

Девятый

Этот снайпер, скорее всего, был не молдаванином и не русским, а «солдатом удачи», наемником. У него была хорошая винтовка иностранного производства. Он стрелял не из оружия, украденного из 14 армии, а из классного бельгийского или итальянского «винтореза» калибра 7, 65 мм.

Николаю Гайдамакову пришлось изрядно им позаниматься.

Снайпер, стрелявший с молдавской стороны – с правого берега Днестра – за короткий срок создал много проблем для жителей Тирасполя. За две недели он убил шесть человек из числа мирных граждан и военных. Два из них погибли на мосту через Днестр, остальные попали под огонь в прибрежной зоне.

С ним пришлось повозиться. Начальник штаба 59 дивизии Самохвалов и начальник Особого отдела дивизии Шрамко, куда из Москвы был прикомандирован майор Гайдамаков, уже несколько раз вызывали его к себе и торопили: «Когда ты наконец разберешься с этим гадом? Обстановка и так сложная, а этот киллер терроризирует население. Получается, что мы людей защитить не можем».

Николай пытался что-то отвечать, да что тут скажешь – люди гибнут, а он ничего поделать не может.

В поединке с этим снайпером истребитель снайперов Гайдамаков едва не погиб сам.

Очень важная задача – максимально точно выявить, откуда ведется стрельба. Чтобы потом, на огневой позиции не рыскать глазами и прицелом по всему горизонту. Существует только единственный

вариант, не вполне смертельный для стреляющего. Один раз поднять винтовку, прицелиться за доли секунды в заранее определенное место и один раз выстрелить, если успеешь, конечно. Других вариантов у снайпера, который охотится на таких же, как он снайперов, не существует.

Николай внимательно осмотрел каждый труп. Человек, пославший пули, был великолепным стрелком, и винтовка его тоже была великолепной. На расстоянии триста метров он стрелял и попадал только в голову. По входным и выходным пулевым отверстиям Гайдамаков определил примерные места, откуда велся огонь. Таких мест оказалось три. Это были участки правого берега Днестра, разбросанные по периметру длиной около километра. Однако, с довольно с большой точностью удалось определить места расположения самих огневых позиций. Они располагались каждая на отрезках берега длиной около 50 метров. Николай с двумя напарниками, проезжая на машине по левому берегу, сфотографировали эти участки метр за метром, используя хорошую японскую технику разрешимостью в пятнадцать раз. Такой пользуются в разных странах вездесущие папарацци. В лабораторных условиях кадры были смонтированы воедино. Получилось изображение трех береговых участков хорошего качества. Снимки были увеличены и началось изучение мест, где мог лежать снайпер.

В принципе, он мог лежать где угодно: любое дерево, любой куст или лежащий на земле предмет, могли быть его укрытием. Еще когда Николай учился снайперскому делу, в моду входили экзотические маскировочные одеяла – всякие там «Кикиморы» и «Лешие». В ткань были вшиты химические волокна, очень неплохо копирующие траву, мелкий кустарник, сено, и даже полевые цветочки. В самом деле - укрылся стрелок за таким одеялом, растянулся на земле и иди рядом с

ним – не заметишь его лежащего. Плохо только одно – окраска земли везде разная и если у тебя покрывало под цвет осеннего поля, то ложиться посреди летней травы - это самоубийство. Поэтому Николай и не использовал никогда этих «Кикимор» и всегда старался вписаться в местный ландшафт, тщательно изучив то место, откуда надо было стрелять.

Долго всматривался Николай в рельеф противоположного берега, отображенного на фотоснимках, долго искал лежку снайпера, которого необходимо было «погасить» в самые короткие сроки. Ему и самому было странно, но никогда он не говорил даже самому себе: «Я убил снайпера», «Я застрелил снайпера». Нет, только «погасил». Откуда пошло это, он не знал. Может из нежелания произносить слово «убил» по отношению к человеку. Все же: убил человека! А может быть исходя из внутреннего уважения к равному себе, человеку такого же ремесла, тоже мастеру своего дела – хитрому, искусному профессионалу. Так охотники - промысловики Севера и Сибири никогда не скажут : «Я убил медведя», не станут этим бравировать, а только тихонько промолвят: «Было дело, положил я его». Или: «Добыл зверя», но не убил.

Когда Николай изучал местность и разыскивал место огневой позиции противника, он всегда прислушивался к самому себе: А где бы я сам расположился? И это всегда облегчало задачу, потому что все снайперы мыслят примерно одинаково.

Вот они на фотографиях - участки противоположного берега, откуда велась стрельба. Ни там, ни тут ничего примечательного, везде примерно одинаковый пейзаж: невысокий отлогий берег, редкие деревья, чахлый кустарник, торчащий словно пучки волос на лысине.

Где может укрываться снайпер?

Вопрос этот наисложнейший, так как он может укрываться везде – за любым бугорком, кустом и деревом. Казалось-бы все просто: спрятался за каким-нибудь объектом и когда, цель появилась – выдвинулся, прицелился и выстрелил. Но опытные снайперы знают: так могут себя вести только школяры-первогодки. Появиться из-за укрытия снайпер может только, когда вокруг идет бой, когда пальба со всех сторон и на тебя не обращают точечного внимания. В условиях охоты на людей в мирное время любому снайперу известна железная логика: как только создал новую выпуклость над земельным контуром – в эту выпуклость, то есть между глаз стрелка, немедленно прилетит пуля. Каждый стреляющий по противнику и уже засветившийся трупами снайпер знает: за ним идет охота! Поэтому, если он хочет остаться в живых, не должен торчать над землей ни своей башкой ни ушами, ни задницей. Надо уметь слиться с землей, травой, кустами и деревьями, подчас буквально быть внутри их. Во время многочасовых лежек на боевой позиции надо иметь силы и такую подготовку, чтобы не сделать ни одного неосторожного движения, чтобы не уснуть от усталости, совладать с естественным волнением, даже предусмотреть, как ходить под себя по малой нужде неподвижно и не создавая сырости.

Николай Гайдамаков, исходя из собственного опыта и, наверно, интуиции определил на фотографиях места, где мог прятаться «солдат удачи». В первом случае это - скорее всего, была небольшая свалка старых автомобильных шин, валявшихся бесформенной кучей на противоположном берегу. Скорее всего, эту свалку создал сам стрелок, натаскав в одну кучу с десятков покрышек, валявшихся по разным городским канавам.

Вторая лежка могла прятаться за небольшим, но довольно густым можжевельным кустом, торчащим на покато́й вершинке небольшого

холмика. Скрываться за такими кусточками Николай любил сам. Сзади куста – наверняка короткая траншейка, вырытая ночью саперной лопаткой, чтобы можно было незаметно подползать, а в случае необходимости и уползать за пригорок.

Над третьей возможной стрелковой позицией Гайдамаков гадал долго, но к окончательным выводам так и не пришел. Это был почти голый кусок местности на молдавской стороне перед мостом через Днестр. В самом деле, где тут мог укрыться снайпер? Узкий сектор обстрела, территория вся хорошо просматривается. Мало кустов, почти нет деревьев, чахлая трава. На земле кучки песка, бруски да доски, мусор, оставленные весенним половодьем. На поверхности выделяется только невесть кем брошенное метровое бетонное кольцо. Из таких составляют колодцы. Может, уж тыщу лет стоит тут всеми забытое. Прятаться внутри – это бред! Только младенец там спрячется с игрушечной винтовочкой.

Но откуда-то отсюда снайпер убил двух человек. В общем, третью позицию, даже сугубо приблизительно Николай так и не определил.

А ночью, точнее рано утром «Румын» (так Николай сам для себя обозвал чужого снайпера) вновь убил человека – жителя Приднестровья. Тот вышел спозаранку погулять с собакой и домой не вернулся. Был он пенсионером, поэтому и вышел в самую рань. Известно ведь – пенсионеры встают рано. Он лежал рядом с прибрежной дорожкой, головой к воде. К губе прилипла потухшая сигарета. А рядом сидела и скулила собака – ирландский сеттер. Из пробитой головы вытекло совсем мало крови, так как сердце остановилось мгновенно, смерть наступила сразу.

Начштаба дивизии Самохвалов по телефону выругал Гайдамакова самыми скверными словами. Сказал, что у него делегация

от населения. Люди скандалят – армия бросила гражданское население на произвол судьбы, ему звонят из штаба армии, грозят карами и тэдэ. Дал два дня сроку. Даже пригрозил:

- Если не разберёшься с этим ублюдком, то я с тобой самим разберусь. Ты, майор, совсем мышей ловить перестал. На хрена мне такие прикомандированные! Всю картину мне портишь! Чего молчишь?

- Не знаю, чего и сказать, товарищ подполковник. Виноват.

- Два дня!

И бросил трубку.

Подполковнику надо получать очередную, третью звезду, а Николай, получается, тормозит этот процесс. Что тут поделаешь? Армия она и есть армия.

Где гарантия, что «Румын» вновь выйдет на охоту в эти два дня? Может, с девушкой загуляет, или в запой уйдет, или в бане засидится. А может быть, как раз в эти два дня у него проснется совесть и он перестанет убивать людей.

Хотя вряд ли. Наемным снайперам тоже ведь отчетность необходима правильная. У них тоже кто-то над душой стоит и тоже нудит: давай трупы, давай! Зря мы тебе деньги такие платим!

Прямо посреди этого же дня Николай взял напарника – молоденького лейтенанта из дивизионной разведки Виталия Нефедова и пошел с ним к гастроному. Там они купили четыре бутылки пива и пару рыбин копчёной скумбрии. На заднем дворе прихватили три пустых деревянных ящика из-под каких-то консервов, и пошли на берег Днестра, примерно туда, где недавно снайпером с противоположного берега были застрелены три человека. Напротив, на другом берегу, на пригорке, чуть виднелся можжевельниковый куст, из-за которого, скорее всего, и велась стрельба.

Логика у Гайдамакова была проще некуда: «Румын» должен поменять позицию. А их у него еще две - у куста и там где-то рядом с мостом, в месте пока что точно не установленном.

Выбора особого и не было. Николай решил сделать засидку здесь.

Они расставили ящики на открытом берегу, на небольшом пригорке, совсем рядом с водой. Два ящика как стулья, один - посреди - как стол. Потихоньку разделали рыбу, разлили по пластиковым стаканам пивко и долго сидели, судача о том, о сем.

Николай изучал обстановку.

От этого вот ящика, что расположен повыше, идет пологий спуск к противоположной от берега стороне - здесь можно прорыть к ящику короткую канавку. Тут заляжет за ящиком напарник и будет изображать из себя снайпера, будет приманкой.

Где же залечь ему?

Ага, вот. Метрах в тридцати тоже на берегу стоит толстая сосна. Рядом со стволом травка – метляк да клевер. Теперь понятно, чем маскировать самого себя и винтовку. Хотя Гайдамаков сильно не любил делать позиции за деревьями, пнями и кустами. Его любимые места – почти ровные, совсем неприметные, неожиданные, где глазу зацепиться не за что.

Того, что «Румын» будит стрелять по ним сейчас, Николай не боялся. Тот «солдат удачи» охотился, как показала практика, только вечером, в начале сумерек или ранним утром. То есть когда на берегу гарантированно нет посторонних людей, а есть лишь одиночные мишени.

Гайдамаков хотел сейчас лишь одного – чтобы «Румын» все же увидел, откуда появились ящики на противоположном берегу.

Когда они уходили, Николая озаботила еще одна мысль: лишь бы ящики кто-нибудь не спер.

В городе, на травянистом дворе, он нарвал метляка и клевера, завернул их в бумагу, а дома, уже вечером, аккуратно закрепил траву и цветы на масхалате, а вдоль ствола и цевья своей СВД примотал их зеленой простой ниткой: капроновые при луне дают легкие блески и слегка отсвечивают.

В начале ночи, когда на Днестр и его берега упала плотная темень, они с напарником Нефедовым выдвинулись к выбранной позиции.

Он помог Нефедову подготовить ложную огневую точку. При почти абсолютной тишине они вырыли саперными лопатками окопчик, в котором лейтенант смог бы лежать, растянувшись во весь рост и надежно спрятав тело. Землю накладывали в плащ-палатку и высыпали поодаль. У ящика, расположенного в торце окопчика и лежащего вверх дном, Николай аккуратно выломал нижнюю дощечку и в проем просунул винтовку Нефедова. Снайперский прицел специально выдвинул слегка вперед, чтобы его ничего не заслоняло. Задача Нефедова – лежать на дне окопчика, не высовываться и лишь по команде, держа винтовку за ремень, слегка колебать прицел, создавая блики от оптики. Со стороны полная иллюзия, что снайпер хорошо замаскировался за ящиком и его сложно обнаружить. И в то же время опытный стрелок с того берега его разглядит сразу. Чего от Нефедова и требуется.

Сам Николай лег за сосной. Так же вырыл траншейку, надежно укрыл в траве свою старую, верную СВД. Проверил, достаточно ли выдвинута бленда у прицела – это чтобы передняя линза не мерцала в утреннем свете. Затвор передернут еще до выхода на позицию, и патрон дослан в патронник. Ближе к утру, когда запоют утренние птицы, он снимет предохранитель и этот негромкий металлический звук затеряется в шуме воды, ветра и птиц. Каждый металлический

щелчок на боевой позиции может привести к гибели: с недавнего времени снайперы, воюя друг с другом стали применять звукоулавливатели – черные тарелки, похожие на репродукторы военных времен. Сидит ночью снайпер, готовясь к утренней охоте, и, надев наушники, изучает все звуки перед собой. Метрах в двухстах слышно, как мышка с мышкой пересвистываются в своей норке. Неосторожный металлический звук означает, что напротив засел враг и готовит винтовку к стрельбе.

Гайдамаков снабдил Нефедова переговорным устройством системы «Конверс». Очень удобная штука: легкий приемник в кармане, на ухе наушник, перед ртом маленький микрофон. Прекрасно ловится разговор шёпотом.

Залегли они, конечно же, слишком рано. Гайдамаков почти не сомневался, что «Румын», если он вообще сегодня придет, появится только перед рассветом. Все просто: у него все давно готово, к позиции он привык, хорошо знает местность, и он удачлив, у него нет ни одного сбоя.

А у Гайдамакова все наоборот – он здесь первый раз.

Пять часов полу-дремы, полу-бодрствования. Короткие, контрольные переговоры с Нефедовым, напутствия: «Не высывайся», «Действуй только по команде».

Он лежит сзади Нефедова, чуть сбоку, в тридцати метрах, его лежка метра на два выше лежки лейтенанта.

Вот и засерело утро. Где-то ниже по течению отдаленно, но четко завывоваривал свою длинную песню первый петух. На том берегу защebetала проснувшаяся от утренней прохлады птаха. Долго еще стояли сумерки, и солнце пока и не думало подниматься, но на востоке со стороны темнеющего города, уже выползло на белый свет и

разливалось по небу, по всей его ширине раннее утро. Над рекой поплыли белесые комья росы.

Противоположный берег просматривался с трудом. Можжевельного куста долго не было видно. И вот сквозь утреннюю сырость, стали проглядываться его очертания.

Гайдамаков легким шёпотом дал команду:

- Пошевели прицелом.

И Нефедов послушно поводил винтовку за ремень из стороны в сторону.

Николай внимательно вглядывался сквозь цейссовские стекла в очертания куста. Все в нем было, как и накануне – никаких признаков изменений, никаких неестественно торчащих веточек. Куст как куст!

- Замри, - приказал Николай. Лейтенант приказ исполнил.

Никаких движений на той стороне. Минут через десять еще команда:

- Пошевели.

Прицел Нефедова опять стал шевелиться, будто на берегу он искал цель – типичные действия снайпера, вроде бы хорошо замаскированного, но не знающего ничего о своем объекте.

Вдруг с левой стороны куста, в самом его начале будто бы тронулись веточки. И замерли. Потом поплыл медленно-медленно целый пучок веточек и показался маленький кружок с пустотой внутри. Прицел!

Гайдамаков мгновенно поймал прицел «Румына» в перекрестие своего прицела. Но где голова, голова где, только прицел? И тут на другой стороне кружочка поползло что-то серо-зеленое и круглое.

- Вот и голова, - подумал Николай и нажал на спусковой крючок. Все он делал автоматически: и упреждение сделал ниже (маревое реки

поднимает изображение) и на два сантиметра правее линзы прицелился. И пуля его попала в переносицу «Румына».

Уже нажимая спусковой крючок, Николай отследил вспышку винтовки «Румына». Тот выстрелил на сотые доли секунды раньше. И пуля его ударила прямо в линзу прицела лейтенанта Нефедова. Благо тот лежал на дне окопчика и свинец пролетел над его телом. «Румын» был прекрасным стрелком. Силой удара пули винтовку лейтенанта отбросило назад.

В Тирасполе не было события, о котором не трещали бы торговки на городском рынке. Для них никаких тайн не существовало.

В этот же день специально отправленные на рынок жены офицеров принесли весть: на молдавской стороне убит какой-то снайпер, и молдавское руководство будет оправлять труп на родину в Румынию.

Николай потом удивлялся: надо же, как он угадал его национальность.

А начштаба Самохвалов потащил Гайдамакова к командиру дивизии и тот в присутствии своих заместителей и начальника особого отдела Шрамко объявил Николаю благодарность и обещал представить к правительственной награде, сказал: «за выполнение серии ответственных заданий».

- Наконец-то, - радовался он, - наша дивизия разобралась с еще одним опаснейшим врагом.

Лейтенант Нефедов по просьбе Николая также был поощрен

Приднестровье - этот цветущий край в начале 1990-х годов переживал тяжелейшие времена. Республика оказалась в эпицентре

противоречий, рожденных не ею самой, а интригой истории, сгустком проблем, образовавшихся в результате развала СССР.

Всю свою историю эта земля была практически самостоятельным государственным образованием, лишь формально входившим в состав Новоруссии и Малороссии. После передела мира, вызванного первой мировой войной, в 1918 году Румыния присоединила к себе ранее входившую в Россию Бессарабию. В 1940 году СССР вернул себе Бессарабию, часть которой стала называться Молдавией, несколько районов отошли к Украине. Приднестровье же отошло к Молдавии.

После разрушения СССР Молдавия опять стала тяготеть к Румынии. Уже в 1988 году группа молдавских националистов из числа интеллигенции создала так называемый Народный фронт, задачей которого стала румынизация народа Молдавии: запрет русского языка, переход на латинский алфавит, присоединение Молдавии к Румынии. В силу того, что население Приднестровья в основном русское, позиция Молдавии на вхождение в Румынию никак не устраивала Приднестровье. В отношениях соседей наметился раскол.

Когда на предприятиях, в учреждениях и школах стали чуть не силой заставлять говорить не на русском, а на молдавском, а все документы составлять на «латинице», народ Приднестровья стал выходить на улицы, назревал взрыв возмущения. Осенью 1991 года против румынизации бастовали около двухсот предприятий, еще четыреста их активно поддерживали и заявляли о готовности открыто выступить против Молдавии. По республике покатила волна народного протеста. На улицах начались первые открытые стычки сторонников Москвы и Румынии. В сугубо спокойном до недавних времен оазисе межнациональной и межконфессиональной дружбы рождалась обстановка ненависти.

Мир тогда разрушался по сценарию, составленному в секретных масонских лабораториях «заклятых друзей» России – США и некоторых западных стран. Главный удар наносился по СССР. Военный, экономический потенциал этой страны необходимо было сломать с одной только целью: чтобы создать управляемый со стороны запада однополярный мир во главе с США. Для этого необходимо было разорвать по кускам СССР, растащить его по углам, создать в нем и среди его союзников обстановку неуправляемости, бардака и хаоса. Опытный рыбак знает: в грязной беспросветной воде рыбу ловить легче, чем в прозрачной. Такая обстановка и создавалась.

Приднестровью – этому вечнозеленому, солнечно-виноградному краю планировалась роль пушистой дрессированной собачки, которая должна была сидеть в молдавской конуре и, что называется, не скулить и не тявкать.

Дальше – больше. В июне 1990 года Верховный Совет Молдавской ССР установил новое название для Молдавии – Республика Молдова и назвал незаконным образование Молдавской ССР в 1940 году. Приднестровье, конечно же, должно было остаться в составе новой Молдовы.

В ответ на это в сентябре Чрезвычайный съезд народных депутатов Приднестровья провозгласил создание Приднестровской Республикой со столицей в Тирасполе.

И пошло и поехало. А в октябре глава правительства Молдовы Мирча Друк сформировал отряд волонтеров, раздал всем оружие и повел его на штурм приднестровского города Дубоссары. Задачей штурма было взять город и объявить его столицей Приднестровья как части Молдавии. Жители города перегородили дорогу на мосту. Волонтеры открыли автоматный огонь по безоружной толпе. Погибли первые граждане Приднестровья, пролилась первая кровь.

27 августа 1991 года Молдова заявила о выходе из СССР, и с этого момента перешла к системным провокациям в отношении Приднестровья. Был арестован Президент Приднестровской республики Игорь Смирнов и несколько депутатов. Все они были помещены в Кишиневскую тюрьму. Начались массовые провокации в отношении руководства и жителей республики.

Появились первые снайперы, стреляющие в городах с чердаков, с крыш, из-за укрытий в местах скопления людей.

Люди стали бояться выходить на улицу, на работу, в магазин, начала создаваться обстановка паники и хаоса.

Приднестровье ждало помощи от Москвы. Но на московском троне сидел человек, посаженный американцами и вершил дела не в пользу России и ее интересов, а в угоду своим американским хозяевам.

И Приднестровье долгое время оставалось один на один со своими кровавыми проблемами.

3

Тираспольский рынок в период после развала Союза представлял из себя форменный балаган. В шумном многоголосье, висящем над этим центральным городским районом, слышалось вавилонское разноязычье. Толпы горожан и приезжих бродили вдоль, сбитых из чего попало торговых рядов, и продавцы – торгоши и торговки на ломаном русском языке с молдавским, украинским, прибалтийским, белорусским, еврейским акцентом кричали им о несомненных прелестях и достоинствах своего товара. Здесь можно было купить все, начиная от зубочистки и кончая современной американской фугасной бомбой. Во всю, процветала почти нескрываемая, торговля наркотиками и стрелковым оружием. Особенно в ходу были пистолеты

ТТ и автоматы Калашникова. Это оружие оголтело растаскивалось со складов 14 армии. Было бы странно, если бы было по-другому: военным почти не платили жалование, а семьям надо было на что-то жить.

Николаю Гайдамакову нравилось бывать здесь. Почти всегда, получив свободную минуту, он шел сюда, на рынок. Здесь, в этой шумной разноголосице, как-то по особому ощущался дух времени, жизненный пульс целых регионов, окружающих Приднестровье. В своих разговорах люди судачили о непростой нынешней жизни, и Гайдамаков узнавал, как живется на Украине, в Прибалтике, в Молдове, в разных концах самого Приднестровья. Там, где царит торговля, как правило, нет национальной вражды, там владычествует интернационал и веселый вкус наживы и обмана.

Глаза у подростка были вытаращены, в них сверкал ужас, рот был скособоженно распахнут. Он летел среди толпы, запинаясь, натываясь на людей. Летел прямо на Гайдамакова. Рубашка на плече разодрана, в левой руке кусок говядины с торчащей сбоку костью. Правой рукой, как мог на бегу, мальчишка расчищал себе путь в людском потоке. Сзади в метрах сорока бежал мужик восточного вида, полный, тяжело дышащий, с кровавыми пятнами на грязном фартуке и, размахивая мясорубочным топором, нечленораздельно, визгливо выкрикивал проклятья в адрес воришки.

Николай резко ушел в сторону, подросток и визжащий мужик с топором пронеслись мимо.

- Его надо было остановить! Почему вы не остановили его ? – женский голос прозвучал совсем рядом.

Это была торговка шерстяными изделиями. Белокурая и довольно тощеватая, она осуждающе, почти с возмущением глядела на Гайдамакова.

- Эта шантрапа все время, чего-то у нас ворует. Их надо наказывать!

Николай ничего не стал ей доказывать, чего-то разъяснять: мол, пожалел оборванца, голодный ведь... Да и этот мужик с топором, зарубит еще ...

Уже на обратном пути вспомнил: надо купить свитер из хорошей шерсти – ночью бывает прохладно лежать на голой земле. Как-то так получилось, что опять попал к той же блондинистой торговке.

Невольно подумалось: вот сейчас опять начнет выговаривать, укорять за того парнишку, но она молчала, даже, как оказалось, слегка улыбнулась ему краешками губ.

Она помогла ему выбрать свитер.

- По моему, - сказала она, - Вам подойдут эти цвета. И протянула ему свитер бело-синих тонов. – Это толстая, но очень качественная ручная вязка. Зимой вам будет тепло.

В интонациях ее речи явно звучал прибалтийский акцент – она очень мягко произносила букву «л». А в голосе звучала женская, именно женская забота.

Николай, после того, как от него пару лет ушла жена, совсем позабыл, как звучит она – женская забота.

Он купил у торговки и свитер и теплые носки и ушел к себе в офицерское общежитие во вполне хорошем настроении.

А через два дня вернулся на рынок. Нашел нужный торговый ряд и тот прилавок.

-Здравствуйте, - обрадованно сказал Николай, - Вот я к вам и вернулся.

Странно, но она его узнала.

- И это очень хорошо, что вы ко мне решили вернуться. Я рада. – И улыбнулась настоящей улыбкой. – Мне нравится, когда мужчина возвращается.

В конце рабочего дня Николай зашел за ней и потом они долго-долго бродили по набережной Днестра, по тенистым аллеям прибрежного парка и долго-долго говорили.

У них оказалось много общих тем.

4

14 марта 1992 года генерал-лейтенант Юрий Неткачев, командующий дислоцированной в Приднестровье 14 общевойсковой армией, срочно прибыл в город Парканы, где располагался один из инженерных батальонов, входящих в состав его армии.

Перед воинской частью громыхал многотысячный митинг местных жителей, казаков, военных. Главными выступающими были глава Приднестровской республики Игорь Смирнов и председатель забастовочного комитета Галина Андреева. И, они, и другие ораторы клеймили позором военное руководство 14 армии, которое не решается передать оружие гражданам республики и которое оказалось беззащитным перед молдавской агрессией.

Генерал Неткачев тоже пытался выступить перед митингующими, призвать их к порядку, но слова ему не дали.

Галина Андреева пламенными словами призвала людей на штурм воинской части и народ, смяв караульных и часовых, ринулся на захват складов с оружием.

В течение нескольких минут склады, оружейные комнаты и пирамиды в казармах были опустошены. Из части было вынесено 1307

автоматов и пулеметов, 255 пистолетов и полтора миллиона патронов к ним, а также множество гранатометов с гранатами, мины, взрывчатка, снаряды...Было вынесено все и роздано затем населению, казакам, бойцам спасательных отрядов, дружинникам.

Оружие ушло в народ и вскоре начало стрелять. И уже каждую ночь на берегах Днестра и по всему Приднестровью шла пальба, прерываемая пьяными криками казаков, военных, гражданских дружинников. То были «разборки» с молдаванами, пьяные драки и просто разудалые гулянки. Мирное население перестало прогуливаться в парках, матери не выпускали детей на улицу. Милиция в этот разгул старалась не вмешиваться. Над республикой навис неведомый доселе тяжелый непреходящий страх.

Дело усугублялось предательством со стороны России. Возглавляемая американскими ставленниками, она демонстрировала чудеса издевательства над собственным народом.

23 марта 1992 года министр обороны России маршал авиации Шапошников подписал приказ о передаче военного имущества всех воинских частей, расположенных на правом берегу Днестра, республике Молдова. Ей единовременно перешли в собственность тысячи единиц стрелкового и тяжелого оружия, танки, артиллерия и даже полностью укомплектованный истребительный полк, состоящий из 31 боевого самолета МИГ-29.

Шапошникову при этом было хорошо известно, что Молдова одной ногой тогда стояла в Румынии, а Румыния всей душой стремилась в НАТО. В Россию стремилось Приднестровье, но Шапошников не дал ему ничего, ни патрона.

Такие вот были командиры у страны, которой руководил алкогольный Президент.

Приднестровье, никому не нужное, всеми брошенное, стоящее один на один с Молдовой и Румынией, готовыми ее растерзать, открыто просило поддержки и защиты у России, стремилось даже войти в ее состав. Это его движение всемерно и открыто поддерживал весь российский народ, но руководство страны не получило на это одобрения со стороны США. Виляя хвостом перед ними и в то же время, боясь вызвать гнев собственного народа, Ельцин и его камарилья пытались строить добрые мины перед населением Приднестровья. С этой целью в республику регулярно направлялись всякого рода делегации. Приезжали туда и вице-президент Руцкой и зам.министра обороны Громов, и советник Ельцина Станкевич, и министр иностранных дел Козырев. Все они вещали перед народом красивые благоглупости, все обещали «не дать в обиду братский народ», но дело этим и заканчивалось. Никакой помощи Приднестровье не получало.

Более того по ельцинскому настоянию 12 апреля 1992 года между Молдовой и Приднестровьем был подписан протокол о перемирии. В соответствии с ним, например, город Бендеры снял со своей территории блок-посты, разоружил свои военные формирования, а оружие заскладировал в казармах, которые оказались под контролем наблюдателей со стороны Молдовы.

Сразу после подписания перемирия и фактического сложения оружия со стороны Приднестровья, Молдова открыла на ряде важных участков артиллерийский огонь. Появились массовые жертвы среди мирных людей, поверивших перемирию.

20 мая в районе поселка Коржово в результате тяжелого артобстрела со стороны Молдовы погибло еще 10 человек.

До июня усилия молдавской стороны были направлены на овладение городом Дубоссары. По этому городу, по его защитникам

велся каждодневный артиллерийский огонь. 7 июня Молдова обстреляла плотину Дубоссарской ГЭС. Был разбит трансформатор и 30 тонн масла вылилось в Днестр.

После подхода к Дубоссарам броневых частей 14 армии обстановка изменилась. Молдаване решили захватить населенные пункты Бендеры, Копанка и Варница, расположенные на правом берегу Днестра, чтобы выравнять фронт, вернуться к границам 1940 года и с этими границами войти в состав Румынии.

19 июня молдавская армия пошла в наступление. По всему фронту заработала артиллерия, установки «Град», минометные батареи. В наступление со стороны Молдовы двинулось около 8 тысяч человек. Начались масштабные боестолкновения, уличные бои.

Молдаване наступали активно и решительно, а приднестровцы не имели достаточно сил, чтобы противостоять надвигающейся громаде. 14 армия в ситуацию не вмешивалась. Командующий армией генерал Неткачев придерживался проверенного армейского принципа «не высывайся и не убьют». И армия сидела в своих казармах. Солдаты мирно спали под грохот молдавской канонады и разрывы снарядов, убивающих мирных жителей и воинов Приднестровья.

На ту пору в Приднестровье находился прибывший из Москвы депутат Верховного Совета генерал-полковник Макашов, до недавнего времени – командующий Уральским военным округом. Он вместе с Галиной Андреевой и возглавляемой ею огромной толпой женщин деморализовал расквартированную в Тирасполе воинскую часть 14 армии и по их указанию офицеры и солдаты этой воинской части выгнали из техпарка и повели в бой на молдован 10 боевых танков и 4 бронетранспортера.

Эта техника помогла выиграть первые бои. Вечером того же дня удалось выбить противника из Бендер и захватить город. Молдаване впервые понесли тяжелые потери в технике и живой силе.

Но войны это не остановило. Стрельба из всех видов оружия как неизбывный кошмар гремела по всему Приднестровью.

5

Снайпер шел к своей огневой позиции, к своей засидке. Шел он уверенно, спокойно, мурлыча глупую песенку. Ничем он не выделялся от остального населения: обычная, не праздничная и не грязная одежда, через плечо легкая сумочка, в глазах ни тревоги, ни суеты.

Случись сейчас на улице драка, или скандал или несчастье у кого-нибудь – он бы прошел мимо. Снайперу, работающему днем, нельзя ни во что вступать, нельзя мелькать и хоть чем-то запоминаться в глазах прохожих. Потом его никто не должен вспомнить. Прошел и исчез, нет его, и не было.

Перед тем, как заходить в подъезд дома, снайпер вышел на площадь, сбоку которой и стоял дом. Вот так вот снайперы и выискивают места для стрельбы по людям – они выходят в город, в места скопления людей и прямо из этих мест, из людской гущи вглядываются в окружающие дома, в крыши, в чердачные окна и продушины, форточки голубятни... Смотрят, откуда можно наиболее неожиданно и незаметно выстрелить, а потом также незаметно скрыться, уйти от человеческого глаза.

Он здесь еще не работал, поэтому не надо опасаться встречного огня из дома, что напротив его засидки. Здесь все спокойно.

Только откуда-то из-за города доносятся глухие удары артиллерийских взрывов, а в самом городе то ближе, то дальше хлестким барабанным боем трещат автоматные очереди, щелкают отдельные винтовочные выстрелы. Это идут уличные перестрелки с молдавскими боевиками и провокаторами из местного населения.

На площади в клумбах растут цветы, вдоль двух аллей шелестят листвой каштаны. Народу совсем мало: бабушка медленно бредет с коляской – выгуливает подрастающее поколение, снуют редкие прохожие, около проезжей части солдатик стоит у служебного уазика и, склонившись над мотором, что-то в нем ковыряет.

«Вот и мишень», - подумал снайпер и пошел к своей засидке.

Этот снайпер работает в Тирасполе уже несколько месяцев, с самого начала всей этой заварухи и неплохо знает город. Ему даже нравится этот весь покрытый деревьями и садами, вишнево-каштановый, сиренево-грушевый душистый город с его сугубо мирным, добродушным, совсем не предрасположенным к войне населением.

Снайпер и сам бы хотел когда-нибудь пожить в таком уютном, южном, винном городе среди неагрессивных людей, напоминающих добрых персонажей глуповатых детских сказок. Но это когда-нибудь потом.

А сейчас у него совсем другая работа.

Снайпер любил многоподъездные дома. И всегда работал там, где подъездов не меньше трех. Уж совсем, в крайнем случае - не меньше двух. В один заходишь и стреляешь, в другой уходишь. Совсем нельзя заходить в подъезд и уходить из него же: очень высока вероятность, что на входе или на выходе запомнят и потом приметы разойдутся по всем отделам милиции.

Кроме того, окно, из которого стреляет снайпер, почти всегда засекается кем-то из прохожих. Потом, естественно, весь подъезд, будет поквартирно опрошен: может быть, кто-нибудь чего-нибудь заметил и запомнил.

Он сначала зашел в подъезд, из которого собирался уходить, поднялся на последний этаж, проверил, не повесил ли кто замок на чердачный люк. Нет, все было нормально.

- Обыкновенный советский бардак, - подумал снайпер, - Но это и хорошо. Это так облегчает мою жизнь.

Он спустился вниз, прошел вдоль дома два лестничных входа и поднялся наверх.

В Тирасполе еще не изжила привычка послевоенных советских городов – держать голубей. И они живут на многих чердаках. Для него это было всегда большой проблемой. Во-первых, от них на чердаке всегда ужасно грязно, всегда измажешься в свежем помете; во-вторых, за голубями, как правило, присматривает какой-нибудь сердобольный чудаки. Этот чудаки может неожиданно нагрянуть. Его тоже пришлось бы застрелить, а это уж совсем лишние хлопоты. В-третьих, когда ведется прицельный огонь, голуби боятся хлопков выстрелов и создают страшную суматоху. Сразу видно, где, в каком месте работает снайпер.

На этом чердаке голубей не было.

Снайпер пошел в торцевую часть чердака. Там, в углу он отодвинул от стены пару старых пыльных горбылей, отогнул край примыкающего к стене рубероида и достал спрятанную позавчера ночью свою винтовку.

С винтовки и прицела он снял мягкой тряпочкой пыль. Ну, славный мой «Сваровский», поработай!

Он отогнул ржавые гвозди на чердачной раме, вынул стекло и в образовавшийся проем просунул винтовку, взгляделся в прицел,

выискивая цель. Он решил для себя, что убьет сегодня трех человек – вполне хватит, чтобы неплохо заработать, поддержать свою репутацию у румынского вербовщика стрелков и создать шум в городе, возбудить панику, чтобы народ свободно не разгуливал по бульвару. Война ведь, чего они разгулялись ...

Ну, где же вы мишени?

Вот он солдатик... Все ковыряется в своей нескладухе. Сейчас, подожди немножко и отдохнешь. Бабушка гуляет... А может, того, кто в коляске? Почему бы и нет, бабушка уже отжила свое...

Вот цель! Вот она – парочка милуется на скамеечке. Как ты к нему прижалась девочка... Долюбите друг друга на том свете...

Солдатик сначала уткнулся прострелянной головой в мотор, потом медленно сполз на асфальт.

Когда молодой человек дернулся и вскрикнул, девушка не сразу поняла, что произошло, и нежно погладила то место на груди у него, откуда вдруг потекла красная жидкость. Она подняла руку к лицу и уже начала кричать, как ей в голову ударила пуля.

Она уронила свое лицо прямо на то место, откуда из груди парня хлестала кровь.

- Хорошая работа, - подумал снайпер и спокойно пошел на выход. Через два подъезда.

А бабушка, проходя мимо влюбленной парочки, слегка отвернула голову, ей не хотелось нарушать покой влюбленных. Она ведь и сама была когда-то молодой.

23 июня 1992 года в штаб 14 армии, находящийся в городе Тирасполе, вошел батальон десантников, прибывший с аэродрома

Чкаловский, что под Москвой, и рассредоточился по всему зданию. Десантники оттеснили часовых на входе и сами стали контролировать вход и выход военных. Вся операция очень напоминала военный захват штаба армии боевой десантной группой.

В 14 часов того же дня в кабинете командующего был собран весь руководящий состав армии: заместители командующего, начальники родов войск, служб, самостоятельных управлений и отделов.

Вдоль стен через 2 – 3 метра стояли десантники в голубых беретах и с оружием. Собравшиеся офицеры и генералы смотрели на все это с тревогой и удивлением.

Все сидели, а по большому кабинету вышагивал высокий полковник в полевой десантной форме и выкуривал сигарету за сигаретой, нещадно дымя во все стороны.

В кабинете командующего курить категорически запрещалось - Неткачев болезненно не любил табачного дыма. Сейчас он сидел в своем кресле бледный, потухший и с трудом скрывал, как ему все это не нравится.

В зале висело молчание и ожидание неизвестно чего.

- Здесь есть какая-нибудь пепельница? Неудобно ведь пепел на пол встряхивать. Мы же культурные люди, - сказал вдруг полковник слегка раздраженно. Сказал спокойно, но таким неожиданно густым басом, будто над притихшей землей прогремел раскатистый гром.

Командующий армией вскочил и побежал в комнату отдыха искать пепельницу. Не нашел, но вернулся не с пустыми руками. Принес баночку от майонеза и вручил ее полковнику.

Как будто сообразив, что ему разрешили говорить, Неткачев выпрямился, вытянул руки по швам и представил полковника.

- Полковник Гусев из Министерства обороны. Командирован сюда, чтобы разобраться с обстановкой и доложить ее Президенту страны Борису Николаевичу Ельцину .

Собравшиеся стали переглядываться: чего это генерал, командующий армией, так расшаркивается перед каким-то полковником. Но шила в мешке не утаишь – кто-то чего-то слышал, кто-то чего-то вспомнил, а кто-то уже с ним встречался на военных перекрестках...

По рядам прошел шепот:

- Это генерал Лебедь, а никакой ни полковник Гусев, заместитель командующего ВДВ, специалист по горячим точкам.

И многие заулыбались: « А – а, теперь маскарад понятен... Смена приехала...»

Разговор был нелицеприятным, жестким. Гусев – Лебедь говорил характерным громовым басом, очень спокойно и четко. Фразы формулировал по-военному лаконично, очень доступно, предельно четко выражал смысл того, что хотел донести до собравшихся. Будто читал наизусть текст Боевого устава.

- Ставлю задачи, согласованные с Президентом Российской Федерации, - говорил он, сидя в торце стола рядом с командармом Неткачевым. Голос его гремел по всему кабинету и громовыми раскатами гулял под потолком, падал вниз на головы офицерам. От того многие сидели съежившись. Гром этот был непривычен в обычно тихом кабинете Неткачева.

Было сформулировано пять задач, направленных на остановку кровопролития, эвакуацию семей военнослужащих, обеспечение контроля за сохранностью складов с оружием и т.д.

Уже в конце совещания голос «полковника» еще более посуровел.

- Почему практически на территории расположения армии беспрепятственно действуют провокаторы-снайперы? Буквально вчера накануне моего приезда прямо в центре города снайперами убито три человека. Один из них наш военнослужащий. Это что меня так встречают? В качестве издевки? Или всегда у вас тут прямо под носом такая бойня процветает? Кто комендант? Доложить остановку.

В углу кабинета с места вскочил и сразу же вспотел комендант города Тирасполя полковник Борман. Невысокого роста, лысый, с круглым красным лицом, он очень перетрусил, не выдержал важности момента и начал что-то говорить путанно и не конкретно.

- Мы принимаем меры, товарищ, э-э генерал, извиняюсь полковник. Товарищ полковник, мы наведем порядок в ближайшее время, обязательно это сделаем, товарищ полковник.

«Гусев» поглядел на него с усмешкой.

- Да уж сделайте, сделайте. Эти снайперы сеют панику среди населения. Недалеко до социального взрыва. Люди видят, что мы элементарный вопрос решить не можем – обеспечить мало-мальскую безопасность.

«Гусев» раскурил очередную сигарету, выдохнул огромное облако дыма и отдал приказ:

- Даю вам, полковник, две недели на организацию борьбы со снайперами и на кардинальное решение этого вопроса.

Он помолчал и сурово добавил:

- Предлагаю решить этот вопрос надлежащим образом, если дороги вам ваши полковничьи погоны. Садитесь.

Борман надрывно крикнул: - «Есть», - плюхнулся на стул и стал торопливо и тщательно вытирать платком потное и красное свое лицо.

Для майора Николая Гайдамакова начались кошмарные времена. Как всегда, все прежние заслуги были забыты. Каждый день с утра до вечера вопросы: Что сделано? Почему до сих пор стреляет чужой снайпер? Доложи, Гайдамаков, чем ты занимаешься целыми днями?

И так далее и так далее.

Начальник особого отдела Шрамко ежедневно в восемь утра вызывал Гайдамакова к себе, подробно расспрашивал о проделанной работе, вечно находил придирки: и то ему не так, и это надо было по-другому. Через день по вечерам - совещания у начальника штаба дивизии Самохвалова. Тот вообще сильно нервничал – на него крепко давили сверху – из штаба армии. Говорили, что вопрос стоит на контроле у самого командарма. Мол, он сильно озабочен своей репутацией: горожане боятся выходить на улицы, и очень не довольны военными, которые не могут навести порядок. Отсюда – жалобы в Москву, грозные звонки из Минобороны...

- Ты, Гайдамаков, видно, думаешь, что синекуру здесь нашел. Зря так думаешь. Не успели наградить – ты и расслабился.

Николай пытался что-то объяснить, как-то защититься.

- Если бы он из одного окна стрелял, я бы давно уже с ним разобрался. А тут город весь у него в распоряжении. Он позиции меняет, сволочь, каждый день разные. Ну как я его один найду, когда домов тысячи?

Раздосадованный упреками, Гайдамаков на этот раз стал горячиться:

- Где эта хваленая кагебешная и эмведэшная агентура? Где сотни этих нахлебников? Почему они не рыщут по чердакам, не помогают

нам в поиске? Где в конце-концов опора правоохранителей на массы? Только на бумаге?

Самохвалов возмущенно вытаращил на Николая и без того выпуклые свои глаза и начал протяжно, с менторскими интонациями, почти по-стариковски выговаривать:

- Ты, товарищ майор, кто у нас? Паникер? Провокатор? Или доблестный советский офицер? Так, как ты рассуждают только демагоги, уходящие от ответственности. Ишь, куда хватил: опора на массы... У каждого своя работа, свой участок. Нам бы с тобой за себя ответить.

Он помолчал, хмуро о чем-то размышляя.

- То, о чем ты говоришь, Николай, это твои трудности. Мне результат нужен. Ты думаешь, мои и твои горькие слезы кого-нибудь интересуют в штабе армии? Там об меня ноги вытирают по твоей, Гайдамаков милости.

Аргументы Самохвалова были для Николая обидны – он ведь и в самом деле не сидел без работы, с утра до вечера на ногах, в поиске.

- Мне одному город не охватить. Прошу, товарищ подполковник, Вашей поддержки.

В другой бы раз Самохвалов после этих слов послал бы Гайдамакова далеко и надолго. Но тут его, наверно, сильно напрягли упреки из штаба армии. Он и сам понял: помогать майору надо, иначе все неудачи спишут потом на него, на Самохвалова.

- Ты это о чем?

- Мне с людьми бы помочь, товарищ подполковник. Понимаете, снайпер стрелял уже с четырнадцати чердаков. То есть надо подробнейшим образом опросить жителей четырнадцати домов. Может хоть какая-то зацепка появится. Жильцы ходят туда-сюда, бабушки

сидят у подъезда... Возможно, кто-то и заметил что-то подозрительное. Мне всюду не успеть.

Самохвалов повращал в раздумье глазами, приподнял и опустил лежащую на столе офицерскую фуражку и спросил голосом человека, у которого грабители забирают последнее:

- Но и сколько народу ты просишь?

Гайдамакову терять было нечего и он, глядя прямо в глаза начальнику штаба, твердо заявил:

- Человек семь, грамотных офицеров.

Хитро-грустная усмешка сползла с хмурого лица Самохвалова и спряталась в толстых его губах, поросших двухдневной щетиной.

- Это где я тебе столько толковых людей найду в нашей пехотной дивизии? Ты да я, да мы с тобой, вот и все грамотные.

- Как где? В особом отделе, например. Там люди подготовленные. Они умеют дознание проводить.

Начальника особого отдела дивизии подполковника Шрамко, сидевшего напротив Гайдамакова, аж передернуло. Он вытаращил глаза, некоторое время сидел с распахнутым от возмущения ртом, потом взорвался:

- У меня в отделе восемь человек осталось. Все в отпусках и командировках. Нет у меня людей!

Самохвалов закурил папиросу, глубоко и сладко втянул дым в свою могучую грудь. Он уже принял решение, и это решение было не в пользу Шрамко.

- Ты, Николай, сколько домов обработал за это время?

- Только два и то не полностью.

- Вот видите, только два, а их четырнадцать. А времени у нас осталось полторы недели до того радостного момента, когда нам оторвут неразумные наши головы и затолкают их в одно место вместо

дынь. Догадываетесь, господа хорошие, в каких местах окажутся наши головы?

Он уставился на Шрамко и стал ставить ему задачу.

- Ты не сердись Виктор Федорович, а в самом деле пойми: толковые сыскари только у тебя имеются. Я кого пошлю – взводного Васю Пупкина, так он всех людей перепугает, все расшлепает, а задачу не выполнит. В бой его можно, а на такое дело нельзя, - и обращаясь к Гайдамакову, попросил:

- Николай, сформулируй задачу для меня и для Шрамко.

Гайдамаков разъяснил то, что необходимо было сделать:

- Действующий в городе снайпер является прекрасным стрелком. За все время он не допустил ни одного промаха, хотя огонь им велся в условиях темноты, тумана, с разных расстояниях, до четырехсот метров. Прекрасно маскируется. За весь период никто из прохожих не заметил, откуда ведется огонь, никто не слышал звука выстрелов, значит, он использует глушитель. В сумерках никто не увидел вспышек, значит, он применяет какой-то хитрый пламягаситель. И до сих пор его никто в глаза не видел!

- Сколь народу он убил? – спросил Шрамко.

- Уже тридцать два человека.

Самохвалов присвистнул:

- Вот же, гадина! Пол-роты грохнул.

- Он сокрушенно покачал головой:

- Надо бы, в самом деле, его найти, сделать дырку в башке. Он ведь не невидимка, в конце концов.

- Ясно, что не невидимка, - задумчиво произнес Гайдамаков.- Такой же человек, ходит среди людей.

- Ну и какую задачу ты мне ставишь, если все так сложно? – развел руками Шрамко.

- Задача простая: опросить максимальное количество жильцов всех четырнадцать домов. Особенно пожилых людей – они обычно самые внимательные и дотошные. Может быть, кто-нибудь вспомнит, не заходил ли кто-либо посторонний в подъезды их домов? Если да, то как он выглядит? Пусть вспомнят и опишут их приметы, хотя бы что-нибудь, за что можно зацепиться. По каждому дому, по результатам опроса надо будет составить подробные справки и представить их мне.

Все помолчали, а Самохвалов оторопело спросил:

- Извини, Николай, лезу в детали, но что делать будешь с этими бумажками? По ним огонь откроешь?

- Если хотя бы в двух адресах появится чужой человек с одинаковыми приметами – это и есть снайпер. Людей надо будет еще раз опросить, выявить больше деталей: как выглядит, сколько примерно лет, какой рост, цвет волос, во что одет и так далее. Затем составляем портрет и ставим задачи «наружке» городских КГБ, МВД, войскам, дружинникам... В любом случае снайпер, передвигаясь по городу, несет с собой оружие, скорее всего собранное, но в руках у него должен быть удлиненный предмет, может быть, рюкзак или сумка. Это уже детали поиска. Их будем рассматривать подробно, когда это будет необходимо.

Самохвалов и Шрамко некоторое время смотрели друг на друга. Потом начштаба сказал одобрительно:

- Не зря ты, Николай, хлеб свой тяжелый кушаешь. – и обратился к Шрамко:

- Ну, Виктор Федорович, задача нам с тобой поставлена. Приступай. Два дня тебе на все про все.

Когда вышли из кабинета, Шрамко почти с нескрываемой злостью прошептал:

- Ох, и подставил ты меня, Гайдамаков. Теперь дни и ночи вкалывать придется, а у меня куча дел была запланирована.

Николай Гайдамаков развел руками и улыбнулся всей своей широкой виноватой улыбкой.

8

Ее звали Линда, Линда Шварцберг. Гайдамаков забросил свое офицерское общежитие и жил у нее. За годы после развода с женой он так устал от отсутствия рядом постоянной женщины. Все живое на этой земле может развиваться только, если наличествует элемент парности – самец и самка, мужчина и женщина. Даже сама Земля имеет два полюса. Без них наш земной шарик разбалансировался бы и летел бы в космосе хаотично. Без полюсов не было бы жизни.

Вот и Николай, живущий годами в сугубо мужских коллективах, заскучал по женщине, которая жила бы рядом. Жена, даже если она все время чем-то недовольна, вечно ворчит и вставляет шпильки – в любом случае вносит гармонию в суровую мужскую жизнь. От женщины пахнет уютом, чистотой и домашними пирогами. Наконец все это к Николаю Гайдамакову опять пришло.

Со службы он спешил к ней. Какая это все-таки радость – спешить туда, где тебя ждут. Еще в курсантские годы он сформулировал для себя трехсоставную формулу бытия, к которой всегда стремился: надо приходить туда, где тебя ждут, надо заниматься делом, без которого не можешь существовать и надо жить там, где живет твое сердце.

В данной ситуации не все, конечно, совпадало с этой формулой, но от добра-добра не ищут.

С Линдой ему было тепло. В однокомнатной квартирке на краю Тирасполя, которую снимала Линда, им было хорошо вдвоем.

По долгу службы Николаю много времени приходилось уделять поиску снайпера, орудовавшего прямо в городе, и он каждый день получал нагоняи. Тем не менее, на работе он старался не задерживаться и, не взирая ни на что, каждый вечер был рядом с Линдой.

Линда была родом из портового города Клайпеды, что в далекой маленькой прибалтийской стране под названием Литва.

Нельзя сказать, что она была очень уж красива. Не зря говорят: в Прибалтике красивы только мужики, женщины – не очень. У нее были серые глаза, светлые волосы и не совсем правильные, слегка заостренные черты лица. Приплюснутые, плотно посаженные губы, тонкий, слегка удлинённый нос, излишняя скуловатость. Обычно женщины с такими лицами имеют затаенно – злой характер.

К Линде это ни как не относилось. Да с виду она была строга и тверда. Но это напускная строгость школьных учительниц математики. На самом деле в домашней обстановке она была совсем другой.

Линда была с Гайдамаковым ласкова и нежна. Прекрасная хозяйка, она с удивительным изяществом и вкусом умела готовить всякие кушанья. Казалось бы обычные ингредиенты: картошка, колбаса, сыр, огурцы... А все это вместе с добавлением каких-то там приправ, да уложенное на красивых тарелках, да под чарочку хорошего вина, да под пластинку Анны Герман, под стереозвуки... Наверно, такая обстановка бывает в самых изысканных ресторанах, - думал Гайдамаков, - и с искренней нежностью обнимал Линду.

А какие пельмени лепила и готовила она, какие у нее были душистые чай и кофе, с какой сервировкой.

- Ты знаешь, - говорила она Николаю, - женщина все хорошо делает, когда у нее есть стимул, есть мужчина, ради которого можно стараться. А вообще женщины ужасно ленивы.

- Не верю, - возражал счастливый Николай, - не наговаривай на женщин. Это ты так говоришь, чтобы мне больше никто не нравился.

- Очень ты мне нужен, возомнил тут из себя, - хмыкала Линда и отворачивалась. Но сразу же поворачивала голову обратно, к нему, глядела Николаю в глаза и целовала его в щеки.

А потом прижималась к нему крепко- крепко.

У Линды Шварцберг было тяжелое детство. Происходила она из прибалтийских немцев. Род ее корнями уходил в рыцарей Ливонского ордена, владевших территорией нынешней Литвы и Латвии все средневековье. Род был исторически богатым. В Клайпедском порту стояли и ходили в море четыре тяжелогрузных торговых судна, принадлежащих семье Шварцбергов. Это продолжалось до начала сороковых годов, до аннексии Прибалтики Советским Союзом. Потом война. Дед и дядя, воевавшие на стороне немцев, погибли. Ее отец, служивший в германских частях «Нахтигаль», после войны попал в советский плен. Там и погиб. А всю семью, в том числе малолетнюю Линду, отправили в Казахстан. Там они пробыли до 1957 года, когда Линда уже ходила в русскую школу.

Теперь у нее есть сын, пятилетний Георг. Он живет в Клайпеде. Его воспитывает бабушка, Линдина мама, которая беззаветно любит внука, балует его и утверждает, что Георг – это копия ее покойного мужа Вальтера Шварцберга, замученного в русском плену.

Гайдамаков еще по учебе в спецшколе знал, что служба в «Нахтигале» означает службу в германских войсках СС. Дивизия СС «Нахтигаль» занималась в Прибалтике карательными операциями, борьбой с партизанами, расстрелами всех, кто боролся с фашизмом.

Николай, однако, не стал напоминать об этом Линде. В конце – концов, советские войска тоже не очень-то миндальничали в Прибалтике. Судьба Линды – тому подтверждение. Он не хотел беречь прошлое. Поди теперь разберись, кто был прав, кто нет.

И все же однажды он спросил:

-Ты, наверное, очень не любишь русских. Они принесли тебе столько беды.

Линда опустила голову, так ничего и не ответила. Потом сказала:

- Не будем об этом. Мне с тобой хорошо.

Они лежали в кровати и вели долгие беседы.

Линда вспоминала, как совсем ребенком она любила стоять у окна их большой квартиры и глядеть на море. В ее детской памяти море – это огромный - преогромный синий мир, расчерченный белыми всплесками волн, по которым бегут разноцветные паруса и плывут белые пароходы с развевающимися над ними черными дымами. Над бескрайним синим морем висит ослепительный белый шар, раскидывающий по сторонам розовые брызги – лучики. А прямо над окном летает, кружит по небу большая серо-белая чайка, смотрит в ее окно и что-то кричит ей, Линде, что-то понятное и заманчивое, будто зовет с собой в синюю даль.

Еще она рассказывала, что хорошо училась в школе, успешно занималась каким-то спортом. Каким, так и не уточнила. Но сказала, что была серебряным призером республики, мастером спорта. Она мечтала заработать денег и вернуться домой к сыну и маме, которые ее очень ждут.

Она прекрасно играла на гитаре. На литовском языке пела длинные, протяжные, но очень мелодичные национальные зонги. Николай ничего в них не понимал, но изумлялся очарованию народной музыки и голосом Линды - бархатистому женскому баритону и манере

ее исполнения. Оказалось, что когда-то она состояла в интернациональном ансамбле и в Казахстане успешно участвовала в музыкальных фестивалях.

Своим звонким, чистым голосом она выделялась среди своих сверстников и была солисткой хора. В платице, сшитом из обносков старшей сестры, она выходила на сцену перед хором и перед залом и, распрямив свое тельце, высоко задрав головку, пела советские песни. Особенно всем нравилась в ее исполнении песня про то, как среди веселых полей вьется тропинка, ведущая к школе. Потом для тех, кто хорошо учится, эта тропинка станет широкой, счастливой дорогой в огромную, радостную советскую жизнь.

Ей подпевал большой хор, стоящий позади нее и ребята – немцы, прибалты, греки, поляки, евреи, русские вслушивались в каждое ее слово и с готовностью дружно ее поддерживали.

Однажды, на республиканском смотре ей вручили огромную грамоту, где указывалось, что награда вручается Линде Шварцберг «за пропаганду советской песни и советского образа жизни».

Ее мама всю ночь почему-то проплакала. Наверно, от радости за свою дочку.

Она была безусловно талантлива. Николай был просто счастлив. Случайная встреча, мимолетные ощущения перерастали в сильные чувства. Гайдамакова это волновало и радовало. Наконец-то он обретал то, что давно подспудно искал.

Он лежал с ней рядом, а весь воздух вокруг был напоен весенними запахами, хотя весны на дворе не было. И весь мир был наполнен яркими вспышками, похожими на гроздья салюта, и плыли повсеместно в воздухе разноцветные картинки, словно конфетные фантики из детства.

А где-то высоко-высоко в небе, посреди прозрачных перистых облаков, похожих на крылья светлого ангела, резвилась юная звездочка. Она на минутку сбежала из своей семьи – созвездия, чтобы пошалить в легком облачном пухе и позвенеть воздушным серебром.

- Похоже я в тебя влюбилась, - сказала она вчера. – Как же я буду жить теперь без тебя?

- Ты не будешь жить без меня. Мы будем жить вместе. – Николай повернул к ней голову и поцеловал ее в краешек лба.

Похоже, и он в нее влюбился.

Им было хорошо вдвоем.

9

Снайпер знал, что за ним охотятся. Этого не могло не быть, потому что он убил уже много людей в этом городе. Все газеты и телевидение с утра до вечера кричали одно и то же: «Когда же военные, которых полно в городе, застрелят этого проклятого киллера, держащего в страхе все население!» Матери опасаются выпускать детей на улицу, люди не выходят на открытые места, жмутся к зданиям, площади пустые. Который день напротив здания штаба 14 Армии толпятся демонстранты с плакатами. На них надписи: «Лебедь, убей убийцу!», «Генерал, защити наших детей и нас!», «Лебедь! Ты не умеешь воевать!».

Снайпер понимал что его действия сильно дестабилизируют обстановку, и без того чрезвычайно сложную в Приднестровье. Неспособность избавиться от дерзкого снайпера, повсеместно

убивающего людей, резко расшатывает авторитет политической и военной власти в регионе.

Вероятно, задействованы большие силы, чтобы его нейтрализовать, говоря конкретнее – убить. Игры со смертью становились все опаснее.

Надо было уезжать, срочно уезжать. Но те люди, которые его наняли и, которые платили ему деньги, хорошие деньги, все никак не давали санкции на прекращение контракта. Ему говорили:

- Отработай еще неделю, потом еще неделю...

Угроз с их стороны не было, и, казалось, можно было бы уехать, но сумма, подводящая итоги контракта, была так значительна, и ее так хотелось получить. Чтобы потом долго вообще не думать о деньгах.

До сих пор снайпер не выявил каких-то явных признаков опасности, грозящей извне, не нащупал тайных подходов к себе со стороны контрразведки, милиции и военных, но он давно уже играл в прятки со смертью, а подобные смертельные игры всегда вырабатывают высокий градус осторожности и интуиции, и человек, не обнаруживая внешне ничего опасного, начинает четко осознавать: вокруг сжимается кольцо.

Такое чувство появилось и снайпер действовал с утроенной осторожностью.

Руководители советовали, чтобы он не просто убивал жителей города, а способствовал формированию ненависти к руководству города и республики, не способных защитить людей. Это будет толкать население к присоединению Приднестровья к Молдавии. Надо создавать социальную напряженность.

Снайпер свою задачу понимал хорошо.

Эту позицию он подготовил загодя, несколько дней назад. Место засидки было выбрано удачно – в старом доме, на краю города. Дом давно пошел на капремонт, но какие ремонты в такое лихолетье? Денег в городской казне нет совсем. Поэтому стоял он всеми брошенный, наполовину без окон, наполовину без дверей.

В крайнем подъезде дверь была закрыта на замок, ржавый замок на никому не нужной двери. Снайпер нашел обломок металлической опалубки и легко отогнул старую петлю, приколоченную когда-то двумя мелкими гвоздями. Если закрыть дверь изнутри, то снаружи замок как висел, так и висит.

Снайпер посидел на скамеечке в соседнем дворе, почитал книжку. Отсюда были видны подъезды старого дома. Ничего подозрительного не заметил. Людей было мало. Время рабочего дня. Кто-то работе, кто-то на учебе. Дождался, когда на улице совсем не было ни души, пригладил пятерней волосы, тем самым поправил парик, и потихоньку побрел к своему подъезду. В такие моменты нельзя допускать никакой суеты: нервничать, оглядываться, торопиться или, наоборот, слишком медлить. К засидке надо идти нормально, как всегда, надо превратиться в никчемного, незаметного, ничем не примечательного человека. В нем и не было ничего примечательного: всклокоченные темные волосы, худощавый, низкорослый мужчина средних лет. Видавшая виды балахонистая куртка из твердой материи, старенькая бесформенная сумка, легкая сутулость говорили о нем то, что мужчина крепко потрепан жизнью и ищет места для своего непритязательного ночлега.

Бомжи никому не интересны.

На четвертом, последнем этаже, в полуразрушенной, обшарпанной квартире, он сел на сложенные в горку кирпичи у окна с выбитыми стеклами, достал из сумки детали и собрал из них винтовку.

Поставил прицел, привинтил глушитель и посмотрел во двор. Двор был открытый, с редким кустарником. По задней оконечности двора проходил зеленый металлический забор, за ним, в метрах сорока стояло коричневое трехэтажное здание.

Это был дом престарелых.

Людей во дворе было мало. Только гуляли по дорожкам, держась за локотки друг дружки две старушки, да на скамейке, что около дорожки, идущей от парадной двери в глубь двора, сидел толстый дед и играл с котенком, валявшимся на спине у его ног. Котенок кусал толстый дедов палец и старик со счастливой интонацией, ласково ругал котенка.

- Ну, с кого начнем? – подумал снайпер, разглядывая эти сцены в оптический прицел.

Дед вдруг схватился двумя руками за свою ляжку, задрал подбородок и заорал так сильно, что, наверно, встрепенул весь дом. Пуля раздробила ему бедренную кость.

- Ну подбегайте мишени, подбегайте, - прошептал снайпер и приготовился опять к стрельбе.

Из парадной двери выбежал мужчина в белом халате. Когда он склонился над дедом, то уже больше не поднялся. Так и остался на коленях, прострелянная голова упала на сиденье скамейки.

На помощь к ним прибежала одна из старушек, гулявших во дворе и, сраженная пулей упала на дорожку.

- Ну, на сегодня хватит,- спокойно подумал снайпер, - Шума опять будет достаточно.

Он не торопясь разобрал винтовку, уложил все в сумку и опять по улицам Тирасполя пошел неряшливо одетый, замызганный, сутуловатый, никому не нужный бомж.

Выстрелов никто не слышал.

А дед еще долго сидел на скамейке и дико кричал. К нему никто не подходил. Люди боялись попасть под огонь снайпера.

10

25 июня 1992 года полномасштабные боевые действия начались в районе Дубоссар, где молдавские войска перешли в наступление. Ночью молдаване обстреляли из орудий Дубоссары и Дубоссарскую ГЭС. Огнем был разбит и второй трансформатор, масло из которого также начало вытекать в Днестр. Наступление началось и на Кочнерском плацдарме. В Григорисполе артснарядами был разрушен детский сад и жилой дом. Начала действовать молдавская бомбардировочная авиация.

Опять погибли люди, много людей. За три дня боевых действий погибло около шестисот человек и было ранено около трех тысяч.

Война загрела опять и в Бендерах. В Ленинском районе были разрушены обувная фабрика «Тигина», завод «Прибор», машиностроительный и опытно-экспериментальный заводы.

В этих трагических событиях страдали, прежде всего, простые люди, граждане Приднестровья и люди, потерявшие в войне родных, свой кров, работу, жившие под пулями снайперов, требовали от руководства республики и от военных наведения порядка, возврата к мирной жизни. Около всех органов управления городами не умолкали демонстрации, требующие от властей решительных действий.

Терпение генерала Лебеда закончилось 2 июля, когда молдаване опять обстреляли Дубоссары. Вновь много убитых и раненных. Молдавская артиллерия разрушила систему управления турбинами

местной гидроэлектростанции. В результате – резкий подъем воды в водохранилище и угроза затопления огромной территории.

По указанию Лебеда разведка Армии в срочном порядке уточнила места дислокации важнейших молдавских военных и других стратегических объектов, для чего в оперативном порядке были вновь получены и в кратчайшие сроки изучены разведданные территориальных источников, материалы аэросъемки, агентурные сводки.

Ночью со 2 на 3 июля ударила артиллерия 14 армии. По заранее намеченным целям (воинские части, штабы, места концентрации техники, аэродромы и т.д.) огонь в течение 45 минут вели 8 дивизионов 6 минометных батарей.

Молдаване потом в течение нескольких недель разгребали завалы, вывозили убитых и раненных. Боевые действия на этом закончились. Молдавской стороне нечем было больше воевать, артиллерия 14 армии уничтожила почти всю их боевую технику.

А генерал А.И.Лебедь 4 июля дал историческую пресс-конференцию, на которой назвал президента Молдавии Мирча Снегура фашистом, развязавшим геноцид против собственного народа и предложил российскому руководству не ходить за американцами и не попрошайничать «как козлы за морковкой».

Эти высказывания взбесили Снегура и очень расстроили Бориса Ельцина.

Лебедь на пресс-конференции прямо обвинил президента Молдовы в вербовке снайперов в Литве и Латвии и использовании их в провокационных сепаратистских целях на территории Приднестровья.

Это была тяжелая работа. Гайдамаков каждый день с приданными ему контрразведчиками 59 общевойсковой дивизии встречался и беседовал с десятками людей. Нужно было опросить всех жильцов 14 домов, расположенных в разных концах города. Всех не всех, но, по крайней мере, тех, кто оказался в наличии.

Картина складывалась не радостная. В те дни когда из этих домов стрелял снайпер, никто из жильцов ничего подозрительного не заметил, никого из приметных чужаков не увидел.

По прошествии двух отведенных дней Николай собрал с участников опергруппы докладные записки по каждому дому и пол-вечера внимательно, с карандашом в руках их изучал.

Доклады были обстоятельные, детальные, по форме, заданной Гайдамаковым. Номера квартир, установочные данные на всех жильцов, подробный отчет о проведенной беседе с каждым из них. Ничего особенного. Никто не видел человека, входящего в дом со снайперской винтовкой в руках. Это было бы идеально, но более того, никто не видел человека, входящего в подъезды ни с длинной сумкой, ни с рюкзаком, ни даже с удочками.

И только одна из бабушек, вечно сидящих на скамейках у подъездов, запомнила, что в соседний подъезд заходил сутуловатый, невысокого роста мужчина с усами и черноволосый. Он нес в руке какой-то музыкальный инструмент в чехле. То ли гитару, то ли виолончель. Бабушка еще подумала: А к кому это мужик с гитарой идет? Что за праздник, у кого? Ничего вроде ни у кого не намечалось. Она ведь в доме знала всех. Поэтому и запомнила того мужчину.

В предпоследней докладной Гайдамаков натолкнулся на строчки, от которых спина покрылась потом. Мальчишка – жилец дома –

выскакивал из подъезда и натолкнулся на молодую женщину, черноволосую, худощавую. На спине у нее, на лямках висел гитарный чехол...

Вот тебе и зацепка! Зафиксировано два случая вхождения в дома, из которых стрелял снайпер людей с чехлами, в которых носят гитары. Очень большой процент того, что в этих чехлах находилась разобранная снайперская винтовка.

Надо срочно организовывать розыск! Где Шрамко, как его найти, уже вечер!

Гайдамаков помчался в штаб дивизии. Шрамко там уже не было. Николай нашел его дома. По выпученным глазам Гайдамакова начальник особого отдела дивизии понял: тот что-то нащупал.

- Но остынь, остынь. Рассказывай снайпер.

Николай показал докладные. Шрамко, давно переставший злиться на Гайдамакова, миролюбиво пробурчал:

-Ну, видишь, все получается, как ты и предполагал. Есть одинаковые признаки. Только почему приметы разные: в одном случае мужчина, в другом женщина? Он что, переодевается?

- Переодевается, - кивнул Николай. – На самом деле это скорее всего женщина стреляет. Женщине в мужчину легче переодеться, чем наоборот.

- Да, крахсворд – тиарема, мать их за ногу, - почесал затылок Шрамко.

Они посидели, покумекали. Решили с утра начинать полномасштабные мероприятия. Надо заряжать на поиск всю систему наружного наблюдения местных КГБ и МВД, оперативный состав, ориентировать агентуру и доверенных лиц, создать поисковые группы, назначить старших. Задача: путем физического поиска, постоянного негласного прочесывания города находить людей, переносящих средне

и крупногабаритные футляры для музыкальных инструментов, устанавливать их, отслеживать их маршруты, обо всех подозрительных случаях докладывать в штаб, который возглавит сам Шрамко.

Затем дотошный главный особист сказал:

- Николай, давай уточним твои задачи.

И Гайдамаков обрисовал как он видит свои функции. Он возглавит мобильную группу, которая при поступлении информации о приближении «объекта с гитарой» к какому-то зданию немедленно выдвигается в этот район и на месте принимает необходимые меры.

- Какие такие меры? – спросил дотошный Шрамко.

- Я чужого снайпера в плен брать не собираюсь.

- Понятно, - удовлетворенно кивнул Шрамко.

Домой к Линде Николай вернулся совсем уже поздно.

Прошло четыре дня. Гайдамаков почти безвылазно находился в помещении особого отдела дивизии, дежурил. Звонков со всего города было много. Их принимал дежурный офицер. Снайпер надоел всем, и все задействованные люди работали со всей серьезностью. Поступавшие звонки были, правда, как правило, пустые, ерундовые. Например, сообщалось об обнаружении объектов не только с гитарными чехлами, но и с футлярами от скрипок, духовых инструментов, а то и просто с балалайкой, мандолиной и даже с флейтой в руках. Если нашему служивому человеку что-нибудь поручить, он будет очень стараться и такого может нагородить...

Было два случая, связанных с другими снайперами. Один стрелял с правого берега Днестра, и тяжело ранил проходящего военного. По нему со стороны Приднестровья был открыт пулеметный огонь: повсеместно шли боевые действия и на случай провокаций на левом

берегу через каждые двести метров стояли пулеметы... Результат огня был неизвестен, но снайперская стрельба на том участке прекратилась. Да и то правда: какой снайпер будет продолжать работать, если он обнаружен и если по нему бьют из пулеметов?

Другой снайпер, долговязый наемник из Прибалтики, попался по-дурачки. Спрятанную на чердаке его винтовку случайно нашли игравшие там школьники. Они сообщили о находке в милицию. Милиция устроила засаду...

Гайдамаков выезжал туда и убедился, что пойманный снайпер совершенно сырой. Бывший разрядник по стрельбе. Его завербовали для поездки сюда, и он захотел заработать денег. Не успел... Нет это не тот. Да и приметы не сходятся.

Серьезный сигнал поступил, когда Николай был на обеде. К нему прибежал посыльный от Шрамко и сказал, что вызов срочный. По растерянному виду ефрейтора Гайдамаков понял: надо в самом деле спешить. Не доев суп, он бросил ложку и мигом был у начальника особого отдела. Тот скороговоркой сообщил, что от милицейского агента поступил сигнал: черноволосую молодую женщину видели на улице Усиевича. Она шла к домам, что стоят рядом с воинской частью. Следить за ней агент не решился, он ведь не специалист. В руке у нее был чехол от гитары.

Карта города уже лежала на столе. Шрамко ткнул пальцем туда, где видели женщину.

- Это здесь. Видишь, рядом казармы. Будет огонь по военным, из 59 дивизии.

- Но тут три дома, поди разберись, где засидка. А когда ее видели?

- Сигнал поступил минут десять тому назад, даже восемь.

- Ну, все, я этот район знаю, я помчался.

- Желаю удачи, - сказал Шрамко и пожал Гайдамакову руку.

Минут через семь Гайдамаков на штабном «Уазике» со своей маленькой опергруппой прибыл в район казарм.

Он понимал, что трем его операм не следует «светиться» перед казармами и одному поставил задачу: наблюдать за домами со стороны казарм и стараться отследить в окнах или чердачных проемах появление снайпера, чтобы сразу дать об этом сигнал ему, Гайдамакову. Двоим - он приказал подготовить табельное оружие и осмотреть в домах, сколько можно подъездов и чердачных помещений. При обнаружении снайпера задержать его или уничтожить.

А сам вытащил из салона «Уазика» детскую коляску с уложенной в ней винтовкой и пошел «гулять с младенцем». По дороге, идущей вдоль тех самых трех домов. Дома были по левую сторону, а казарма по правую. Опер, наблюдавший за домами, шел по другую сторону металлического забора метрах в пятнадцати впереди, вдоль здания казарм и лениво поглядывал влево, на дома.

Николай не глядел по сторонам. Как «чуткий папаша» он был занят только «своим ребенком» и лишь косил взгляд на напарника, идущего справа.

Уже поравнявшись с проемом между первым и средним домом, опер вдруг остановился, повернулся налево и, став на корточки, стал завязывать шнурок. На его полуботинках не было шнурков и, Николай, понял: он чего-то увидел. Напарник в самом деле поднялся и пошел назад, мимо него, Николая. Поравнявшись, он негромко сказал:

- Средний дом, среднее чердачное окно. Готовится к стрельбе.

Гайдамаков как шел, так и продолжал движение. На ходу протянул руку «к ребенку» и снял винтовку с предохранителя.

Вот среднее окно на чердаке. Их всего три. Пока ничего не видно – проем глубокий, мешает боковина.

Средний дом был как раз напротив казармы. Возле нее два солдатика подметали двор. Наверно по ним снайпер и будет стрелять.

Окно было открыто, и пока был виден только его край. Николай стоял и делал движения человека, готовящегося закурить: полез в карман, достал несуществующую сигаретную пачку, полез рукой во второй – за зажигалкой. Он стоял вполоборота к дому и оценивал обстановку. В сумраке показавшегося края окна смутно проглядывали манипуляции находящегося там человека.

Ага, вот! Из темноты приблизилось и четко обозначилось левое плечо человека. Лица не было видно – оно было за оконной боковиной.

Но двигаться дальше было нельзя: Николай тут же бы сам превратился в легкую, открытую мишень. А пока снайпер его не видел, он быстро достал из коляски свою винтовку, положил ее поперек коляски дулом к дому, встал на колени за ней и мгновенно нашел в оптическом прицеле показавшееся плечо снайпера. Нажал на спуск.

Дико закричала женщина, идущая по дорожке и несущая продукты из магазина. Она бросила сумку и громко крича, убегала от Гайдамакова. Подбежал напарник. Николай приказал ему:

- Охраняй винтовку! – и побежал к дому.

Там, около нужного подъезда, к нему присоединился один из двух оперов, которых он послал дежурить около домов.

- Оружие к бою! – скомандовал ему Гайдамаков и они забежали в подъезд.

Николай бежал впереди с пистолетом в руке и, прыгая по ступенькам, ждал: вот сейчас навстречу выбежит тот, по которому он стрелял...

Люк на чердаке был в потолке последнего этажа. Замок не висел и была надежда: сейчас они откроют люк и застигнут на месте того стрелка...

Но люк был заблокирован изнутри. Николай пытался открыть его сначала руками, затем плечами, но крышка не поддавалась. Попробовал и напарник. Напрасно.

Гайдамаков понимал: уходит время. Снайпер их перехитрил.

Они выбежали опять на улицу и Николай крикнул:

- Ты, в тот подъезд, я в этот. И будь осторожен!

Проникнув, наконец, на чердак, Гайдамаков сразу убедился в трех вещах: в том, что имеет дело с очень хитрым соперником, в том, что он его ранил, и в том, что это женщина. Снайпер вошел через один крайний подъезд, а вышел в другой, торцевой. Рана была серьезной. Около окна и вдоль цепочки уходящих следов на чердаке и в подъезде – везде капли крови. От удара его пули у стрелка с головы слетел черный женский парик и валялся здесь же на досках около оконного проема.

-Значит у нее волосы другого цвета, - подумал Гайдамаков.

Мужчина с первого этажа подтвердил:

- Я заходил в подъезд, и меня чуть с ног не сбила молодая бабенка. Светлая такая. Представляете, несу в руках две бутылки пива, а она на меня вылетает, Сука! Одна бутылка выпала из рук. Хорошо не разбилась. Убил бы, дуру!

- А как она выглядела?

- Да разве я ее разглядывал? Ну не толстая, совсем обыкновенная. Разозлился я на нее.

- В руках несла чего-нибудь?

- Что-то было у нее тяжелое на спине, не помню чего. А рукой она за плечо держалась. Вот так, - и он свою правую руку положил на левое плечо.

-А так не помню я ее. Разозлила она меня, дура.

Сразу же состоялось совещание у Самохвалова. Начальник штаба дивизии сидел озадаченный. Выслушав доклад Гайдамакова и Шрамко, он закурил сигарету, подымил, помолчал.

- Значит, баба, - сказал он задумчиво. – Да, навезли нам их из Прибалтики. Но по почерку это похоже та самая, которая больше всех воду мутит, весь город держит в напряжении. Как вы думаете, братья славяне, та это или не та?

- Думаю, что та, - закивал головой Шрамко, - похоже, что та. По всему - похоже.

- Вот и я так думаю, - продолжал размышлять начальник штаба. – Хитрая сволочь. Наряжается, понимаешь, в разные одежды, усы клеит, парики меняет, то мужик она, то баба. Трудно такую поймать.

Он опять помолчал, насупился. Его что-то донимало, волновала какая-то болячка.

- Что наверх докладывать?- выразил он, наконец, эту набoleвшую мысль. – Мы же ее не нейтрализовали окончательно. Как там оценят нашу работу?

Тут в разговор вступил Гайдамаков.

- Думаю, товарищ подполковник, она сейчас какое-то время лечиться будет. Рана, по всей видимости, тяжелая. Поэтому стрельба в городе должна прекратиться. Сейчас будет затишье, и начальство это сразу почувствует.

Шрамко закивал головой, а Самохвалов подытожил:

- Ладно, товарищи военные, за работу хвалю, ваш героический труд Родина не забудет. – И, улыбнувшись, добавил:

- И я тоже.

Потом Шрамко пригласил Николая к себе в кабинет. Там он сначала дал команду подчиненным контролировать все медицинские учреждения на предмет обращения к ним молодой женщины по поводу

ранения плеча, а потом закрыл кабинетную дверь, открыл сейф, вытащил оттуда бутылочку «Хеннесси», и они выпили по две рюмки «За нашу великую Родину» и « За победу над врагами».

Возвращаясь домой, в хорошем настроении, Николай думал:

«Эх, жалко Линде нельзя ничего рассказать. Она бы порадовалась его успеху».

Но дома, когда он пришел, Линды не оказалось. Постучала в дверь соседка и сообщила, что ей на работу звонила Линда. Просила предупредить Николая, что уехала домой за товаром, появится через несколько дней.

«Странно, - подумал он, - она вроде не собиралась уезжать».

Хотя, торговля – дело непредсказуемое. Может быть, нахлынули покупатели, все раскупили и вот надо ехать за новой партией. Уснул он со светлыми мыслями о Линде, о их будущей совместной жизни. Он сильно полюбил эту женщину.

12

После артиллерийского разгрома, учиненного генералом Лебедем, молдавская сторона растерялась и затихла. Лишь местами иногда возобновлялись автоматные перестрелки, но и они быстро прекращались: в атаки больше никто не ходил, в них просто не было смысла.

Упорный в достижениях своей цели Лебедь для того, чтобы развеять последние надежды молдаван на хоть какую-нибудь победу дал команду открыть огонь агитационными и осветительными

снарядами. В рассеянных повсюду листовках содержалось конкретное предложение молдавским воякам срочно разбежаться по домам, иначе все они будут уничтожены. Что они и сделали с большим воодушевлением.

И молдавское руководство запросило о перемирии.

Уже 7 июля 1992 года на военном аэродроме в селе Лиманское состоялись первые переговоры о перемирии между молдавской и приднестровской сторонами. В качестве посредника присутствовала и Россия. Ее представляли командующий Сухопутными войсками генерал-полковник В. М. Семенов и командующий 14 Армией генерал-майор А. И. Лебедь. Подписантами были намечены первые шаги на пути установления мира, сами условия и мероприятия перемирия.

Следующим шагом стало подписание в Хельсинки президентами России, Румынии и Молдовы соглашения о прекращении огня в Приднестровье.

А 21 июля стало окончательной датой в процессе установления мира. В этот день в Москве президентами Приднестровья и Молдовы Смирновым и Снегуром был подписан договор о мирном урегулировании военного конфликта и дальнейшем взаимовыгодном сотрудничестве.

Несомненно одно: главная заслуга в установлении мира в данном регионе принадлежит генералу-майору А. И. Лебедю.

С тех пор однако, у командующего 14 Армией появился могущественный враг, последовательный и коварный. Враг в лице Президента Молдовы, которого Лебедь публично назвал фашистом и обвинил в геноциде народа.

Кроме того, Снегура взвинтило то, Лебедь так изуверски легко и просто провел разведку в молдавских войсках, нанес артиллерийские удары по самым уязвимым местам, за несколько минут разгромив опорные пункты, штабы и склады, уничтожив почти всю военную технику и вооружение, убив и рассеяв большинство солдат и офицеров. Снегуру, в мгновение ока, нечем стало воевать. Все это было огромным унижением и оскорблением.

Он ненавидел Лебеда и за то, что тот бесцеремонно и как бы походя унизил его, давнего президента большой республики, изощренного, мудрого и хитрого политика, выкованного в горниле смертельной партийной тусовки, выжившего в безжалостных играх большой советской политики, лишил того, что ему по праву принадлежало – этого большого и богатого куска старой бессарабской территории с нелепым названием Приднестровье. То, к чему так долго он шел, ради чего он врал, лицемерил, обманывал, за что он воевал – вдруг у него нагло стремительно и цинично отнял этот молодой генерал, хам с диктаторскими замашками. Отнял, а потом еще и опозорил на весь мир. Теперь Россия сделает из него, президента страны Мирча Снегура маленькую послушную обезьянку.

После долгих и тяжелых раздумий Снегур вызвал к себе в кабинет министра госбезопасности. Когда тот пришел, он отвел его в комнату отдыха, усадил в кресло, достал из шкафчика графин молдавского коньяка, сам налил в хрустальные бокалы. Они молча выпили, потом ушли на балкон...

Линда Шварцберг находилась в лазарете маленькой инженерной воинской части вооруженных сил Молдовы, расположенном на окраине

города Орхей. В целях конспирации ее не могли положить в общую палату вместе с другими больными и ранеными. Палатой для нее послужило наспех переделанное для нее помещение для медицинского оборудования, находящееся в торце второго этажа лазарета. К ней никого не пускали. Поэтому лежала она посреди старых капельниц, каталок, висящих и лежащих медицинских халатов, шкафчиков с лекарствами.

Боль в левом плече стала проходить. Пуля снайпера, ранившая ее, прошла по мягким тканям, лишь слегка задев верх лопатки. Несколько дней назад ей сделали операцию, теперь каждый день меняли повязку. Светлые волосы ее были не убраны и лежали на подушке рассыпанные, разметанные. Ей ничего не хотелось делать – ни есть, ни пить, ни разговаривать, даже пригладить свои волосы не хотелось. Левая рука ее безжизненно лежала вдоль тела, правая – поверх одеяла на талии. Под подушкой находился многозарядный испанский пистолет «Астра», способный стрелять очередями натовскими патронами калибра девять миллиметров. Это на случай внезапного нападения. Она живой никому не дастся, ей нельзя попадать в плен. Она слишком много знает и много натворила. Казалось бы, обстановка безопасная – ее постоянно охраняют сотрудники службы безопасности. Но, она убила слишком много людей...

То, что за ней идет охота, было очевидным. Об этом красноречиво говорит последний случай, когда снайпер противника не дал ей выстрелить по военным. Ее выследили. Ее практически загнали в угол. Скорее всего, она прокололась на подходе к месту засидки. Значит, по каким-то признакам ее опознали, нашли в этом немаленьком в общем городе. В любом случае понятно: охота за ней, широкомасштабная охота, идет по всему городу. Понятно и то, что работать в самом Тирасполе ей больше нельзя. Это очень опасно.

Надо уезжать!

Где же она прокололась? В чем? Когда? Она так внимательно всегда относилась к вопросам маскировки, так тщательно продумывала каждый раз свою внешность, училась быть то бомжом, то инвалидом, то старухой, то женщиной средних лет. Сообразно новой роли меняла парики, одежду, накладывала усы, бороды. Каждую роль всегда репетировала, словно театральная актриса.

Очень внимательно изучала подходы к местам, откуда будет вестись огонь, и поэтому всегда уверенно и безошибочно проникала к своей позиции и так же просто и надежно уходила в город. Она ни разу дважды не устраивала засидку в том месте, откуда уже стреляла.

Все и всегда было продумано до деталей, никогда не было сбоев. Тогда почему ее выследил тот снайпер? В чем-то она ошиблась. Его выстрел, конечно же, не был случайностью. Он искал ее и нашел. И в силу того, что он свою работу не закончил – не убил ее, это означает, что дело свое он будет продолжать. И не остановится, пока не завершит.

Надо уезжать, надо срочно уезжать!

Свободная охота закончилась, началась игра со смертью. И в эту игру ей играть не хотелось.

Вопросы стояли мучительные, потому что на них не было ответа.

На пути к дому были препятствия, которых никак не избежать. Например, сроки контракта. Они пока что не закончились, и люди, заключившие соглашение с ней, безусловно, будут настаивать на продолжении работы. Она ведь и самом деле результативна как снайпер. И потом, всю сумму, как это обговорено в условиях контракта, она получит лишь по завершении работы, как по срокам, так и по результатам. О результатах можно не волноваться, она уже убила столько людей, сколько было обусловлено, но сроки... Деньги можно

получить лишь по окончании этих сроков. То есть, через месяц и семнадцать дней.

Надежда одна – на переговоры с представителем «заказчика» - румынской разведки, на то, что они пойдут ей навстречу в связи с выполнением обговоренных требований и, конечно же, в связи с ее ранением.

Она запросила о встрече с представителем разведки и теперь ждала его, лежала и ждала.

Еще мучили ее две темы, две теплые занозы, неизбывно живущие теперь в ее душе.

Одна – это мысль о ее радостной печальке, маленьком сыночке Георге, живущем так долго без матери с бабушкой в городе Клайпедо. Линда за все это время почти совсем не общалась с матерью – это очень опасно, все линии связи прослушиваются. Как они там? Здоров ли Георг? Как дела у мамы с вечно мучившими ее суставами?

И еще ее очень сильно занимали мысли о Николае. Этот молодой мужчина жил с ней и жил в ее сердце. Похоже, он искренне к ней привязался и она к нему тоже. Похоже, что они сложились как пара. Они решили объединить свои судьбы.

Николай занимается снабжением в какой-то воинской части, много времени уделяет своей работе, но работа эта его не слишком-то занимает. Решено, что они будут жить вместе, и уедут отсюда. Может быть, домой к Николаю в подмосковный город Железнодорожный (этого хочет он), а может быть к ней в Клайпеду (этого хочет она). А может быть, будут жить там и там.

Как он там теперь? О чем он думает? Не подозревает ли ее в чем-нибудь? Хотя вряд ли, он ведь совсем простой. Обыкновенный. Он снабженец, а не шпион какой-нибудь. Это и хорошо.

Она полюбила Николая, как юная глупышка и это наполняло ее жизнь светом, светом, светом... и надеждой.

Уже под вечер в дверь ее палаты постучали.

«Наверно, это он, сотрудник разведки», - подумала Линда. Она очень хотела, чтобы это было так. От этой встречи многое зависело.

И вот он вошел к ней в палату. Обыденно, почти по-свойски. У сотрудников, наверное, всех спецслужб мира есть особенность: они входят в любую обстановку, в любое общество и сразу как бы сливаются с ним, словно давно жили здесь, работали, общались. Как будто покурить вышли и вот вернулись.

- Здравствуйте, Линда,- сказал он буднично и миролюбиво. – Вот, вы какая, красивая. Столько о вас наслышан.

Он поднял стул, стоящий у стенки и приставил его к кровати. Сумку, которую принес, придвинул к ногам.

- Так вы совсем здоровы. Выглядите - совсем прекрасно. Пора вставать, матушка, пора вставать, за дела браться. Хватит бока отлеживать, хватит.

Он сел, внимательно оглядел палату, представился.

- Меня зовут Игорь.

- Почему у вас русское имя? Насколько я понимаю – вы румын.

- Как вы догадываетесь, у меня несколько имен. На каждый случай - разное. Но Игорь – настоящее. Так меня звала моя покойная мама. Она русская.

-Вот почему у вас такой блестящий русский.

- Еще и потому, что я закончил Ростовский университет. Я долго жил в России. Мы ведь до недавнего времени были одной страной, - он усмехнулся. – Свое имя я скрываю вынужденно, но Вы ведь тоже здесь находитесь не под своим настоящим именем, не так ли? Впрочем, не будем об этом. Так и должно быть.

Как и у многих разведчиков, у него была усредненная, незапоминающаяся внешность. Ничего приметного: средний рост, правильные, но ничем не выделяющиеся черты лица, легкая худощавость, негромкий голос, русые волосы. Пройдет мимо – и нечего вспомнить.

У него спокойный, но твердый, уверенный взгляд.

«Наверно, он хороший разведчик», - подумала Линда.

Игорь поднял с пола на колени сумку, расстегнул неторопливо молнию и стал доставать из нее фрукты, какие-то пакеты, шоколадные плитки...

- Зачем это, зачем? – замахала рукой Линда, - что это Вы, право, так много всего...

- Это чтобы Вы поскорее поправлялись, Вы нам очень нужны.

Последняя фраза резанула Линде сердце: ей совсем не хотелось быть «очень нужной» для грязной работы бесконечно чужой разведки. Известно ведь: там, где действуют спецслужбы, там всегда стоит запах дерьма...

Потом он достал из нагрудного кармана конверт с деньгами, наклонился и подсунул его под подушку, под ее голову.

- А это за прошедший месяц и маленькая премия за ударную работу.

- Спасибо, я Вам благодарна, - сказала Линда и закрыла глаза.

Он поерзал на стуле, как бы втерся в него, откинулся к спинке, принял удобную позу и спросил:

- Ну так зачем мы Вам понадобились, Линда?

И она сказала ему, что выполнила тот объем работы, который был обозначен в контракте. Теперь она хотела бы получить всю сумму, положенную ей по договору и уехать домой. Что ее ждет маленький

сын и старенькая мама, что за ними нужен уход, и что она устала от нервного напряжения...

Кроме того, она поведала Игорю и то, что за ней идет охота, и у нее больше нет возможности работать в нормальных условиях. Она просила Игоря отпустить ее: она очень боится за свою жизнь. Тем более, что она ранена...

Игорь какое-то время молчал. Потом он высказал то, что приготовил к встрече с ней. Умный, опытный разведчик, он не мог не догадываться заранее, о чем пойдет речь, о чем может просить его эта молодая, уставшая от убийств, перепуганная войной женщина? Конечно, о желании быть со своей семьей, с любимыми людьми, о стремлении скорее покончить со своей грязной работой, получить деньги и уехать...

Это так понятно по человечески.

- Вы, Линда, оказались для нас сущим кладом. Вы – самый результативный наш работник. По результатам Ваших рейдов в Тирасполе начался настоящий бунт. Люди оказались беззащитны перед Вами, а власть и военные не смогли их защитить. Вы просто молодец. И мы безусловно пойдем Вам навстречу.

Глаза Линды вспыхнули надеждой.

- Но не сразу, не сразу, - добавил он.

Игорь положил руку на краешек кровати и глянул на Линду с просящей, почти заискивающей улыбкой.

- Есть одно маленькое дельце. Мы бы очень хотели, чтобы Вы его завершили. И тогда мы не будем возражать против досрочного прекращения контрактных отношений.

Линда отвернула голову к стене. Она поняла: сейчас ее будут втягивать во что-то очень серьезное и опасное. Под одеяло, в тело

проник откуда-то ледяной холод, опалил морозом. Таким ледяным бывает страх, смертельный страх.

Она уже давно играла в прятки со смертью, а такие игры вырабатывают предчувствие опасности, которое среди людей называется интуицией. Именно это чувство застучало молоточками в висках, заставило быстрее и сильнее биться сердце. Оно ей подсказало: если она откажется, то уже никогда не вернется домой. Сколько уже неизвестных трупов на этой войне, найденных на пустынных обочинах безлюдных дорог? Она может стать одним из них. Она уже слишком много знает, ее нельзя отпускать обиженной.

Линда повернула голову к этому вполне радушному, но безусловно безжалостному человеку.

- Я не отказываюсь, но нельзя ли поконкретнее?

Игорь вполне искренне и добродушно улыбнулся:

- С Вами так приятно работать. Мы не сомневались, что обо всем сможем договориться.

Он остановил разговор и вдруг полез в боковой карман. На удивление Линды достал из него не пистолет, не гранату (что еще могут носить в своих карманах шпионы), а конфету – карамельку в обертке. Аккуратно развернул ее и положил в рот:

- Извините, когда немного волнуюсь, ем конфеты.

И, наконец, перешел к главному, к самому главному:

- Понимаете, Линда, Молдова давно стремится вернуться в состав Румынии и тем самым воссоздать старую добрую Бессарабию. У нас в Молдове много союзников, и этот процесс шел довольно гладко. До недавнего времени.

Он поморщился и посмотрел перед собой с выражением чрезмерного недовольства. Так смотрит воспитательница детского сада на ребенка, допустившего шалость.

- С недавних пор Молдова практически остановила свои интеграционные шаги. Она опять с вожделием стала смотреть на Россию.

Игорь был откровенно возмущен. Он развел руками, потом хлестнул ладонями по коленкам.

Линда молчала. Она была в недоумении: почему этот румынский посланец так театрально себя ведет? К чему эти прописные истины, подаваемые так пафосно? Потом сообразила: он ведь разговаривает с женщиной... В представлении многих мужчин все женщины – полные дуры. Волос долог – ум короткий. А, может, просто закомплексованный чудака, которому в жизни не повезло, и он не научился общаться с женщинами...

- Ну а я – то чем могу помочь Румынии и Молдове. Я ведь не дипломат, не политик.

- В том – то и дело, что можете, - щелкнул пальцами Игорь. Он оживился, повеселел и стал проще.

- Понимаете, Линда, у русских есть генерал. Такая заноза, такая заноза... Он смертельно оскорбил и высмеял на весь белый свет Президента Молдовы, расстрелял из пушек и танков множество людей и техники. Фактически уничтожил почти весь военный потенциал этой страны – нашего союзника. В результате правительство Молдовы крепко обкакалось и вновь начинает стремиться в объятия Москвы.

Игорь помолчал, сморщился и с тяжелым усилием проглотил некий комок, мешавший ему говорить без раздражения

- Между Румынией и Молдовой вновь вырастает стена непонимания. Мы обязаны остановить этот процесс. Румыния вложила слишком много денег, чтобы этой стены не было, чтобы мы были единым государством. Нам бы очень не хотелось, чтобы наши усилия были напрасны.

Линда с видимым усилием повернулась на правый бок, уткнула локоть в подушку, положила голову на ладонь, внимательно посмотрела на прищельца. Она явно хотела спросить о чем – то важном.

- У Вас ко мне есть какой – то вопрос? – вкрадчиво поинтересовался румынский разведчик.

- Да, есть. Если я правильно все поняла, моя задача – этот генерал?

Игорь улыбнулся такой широкой улыбкой, какой только может улыбаться человек.

- Еще раз радуюсь Вашему уму и проницательности.

Линда покачала головой, закрыла глаза. С закрытыми глазами она спросила:

- Если он такой великий и важный, его, наверно, хорошо охраняют? И потом, где я его найду?

Игорь втянул воздух с видимым облегчением:

- Ну вот, слава Богу, пошли правильные вопросы. Теперь давайте все по порядку. – И он перешел на тональность профессора, растолковывающего своим студентам азы фундаментальной науки.

- Фамилия этого генерала – Лебедь. Вы, наверно, уже слышали эту фамилию. Ее многие теперь слышали. Вот его фотографии.

И он достал из сумки несколько снимков, выполненных в разных ракурсах. Линда вгляделась в них. Да, эту голову и эту физиономию ни с кем не перепутаешь. Все черты как – будто вытесаны топором. Типичный образ военного диктатора. Одна чугунная нижняя челюсть чего стоит...

- Этот генерал командует 14 Армией, расположенной на территории Приднестровья и Молдовы. Части Армии держат в страхе

всю Молдову. Да и Румынию тоже. Без нее не решить ни один значимый вопрос.

Игорь горько ухмыльнулся:

- В силу того, что между Приднестровьем, Молдовой и Румынией действует мирное соглашение, то, чтобы его выполнить, надо всякий раз согласовывать много деталей и с этой Армией и с этим долбаным генералом.

Во рту у Игоря, от переживаемого волнения, наверно, было сухо. Он встал, подошел к столу, на котором стоял графин с водой, плеснул в стакан и жадно выпил всю жидкость. Продолжил:

- Ну, так вот. Президент Молдовы пригласил Лебеда на совещание. Оно состоится через восемь дней. Там будут и представители всех силовых структур Молдовы и Румынии. Поэтому у Лебеда нет аргументов, чтобы в нем не участвовать. Он, скорее всего, поедет. Путь его будет пролегать здесь.

И он достал из сумки и развернул перед Линдой карту Молдовы и Приднестровья. Красным карандашом на ней был указан маршрут движения машины генерала от штаба 14 Армии до президентского дворца руководителя Молдовы.

- Место Вашей огневой позиции выберите сами. Но оно обязательно должно быть на молдавской стороне.

- Почему? – не удержалась спросить Линда.

- Все очень и очень просто: важная русская персона будет убита в Молдове... Как мы помним из истории, из-за этого начинались многие войны. На этот раз до войны, конечно, не дойдет – какая может быть война между слоном и моськой – но отношения испортятся окончательно, это уж точно. А нам это и нужно.

Игорь походил по комнате. Снова сел.

- Это придаст новый импульс вражде между Россией и Молдовой, надолго разорвет между ними всякие контакты, и Молдова опять потянется к Румынии.

Во что ее втягивают? Линда хорошо знала: там, где большая политика – там смерть...

Она легла на подушку, закрыла глаза, лежала молча. Холод опять сковал тело. Она сильно нервничала.

- Да Вы не волнуйтесь так, успокойтесь, - урезонивал ее румын.- С Вашим-то опытом так волноваться. И потом, я не собираюсь Вас бросать. Мы с Вами еще увидимся перед операцией, чтобы обсудить все детали. Вы сейчас тщательно все взвесьте, обдумайте и мы еще все обговорим.

Линда полулежала на подушке, глаза ее были закрыты. Она молчала, молчала долго. Игорь уже стал волноваться: вдруг придется уехать, не солоно хлебавши. Но тогда он не позавидует этой курице...

- Я могу твердо рассчитывать на то, что если все выполню, то получу деньги сразу же и сразу же смогу уехать? – Линда спросила это, не открывая глаз.

Хотя, задавая этот вопрос, она прекрасно понимала, что услышит обязательное «Да! Да! Да!» Ей было понятно и то, что за этими заверениями ничего не будет стоять, и что никаких гарантий у нее нет. Не понаслышке ей было очевидно: в сложных случаях, когда может быть скомпрометирована разведка или государство, киллеров убирают в первую очередь. Деньги – это очень важно, и хорошо, если они будут, но в такой ситуации и они не главное. Главное – выжить в этой смертельной игре.

- Да, да, да! – вспыхнул в радостном возбуждении румынский разведчик Игорь. – Безусловно, мы согласны. Это будет достойное завершение наших договорных отношений.

Он успокоился. Миссия завершилась успешно. Не зря он съездил в эту забытую Богом молдавскую дыру. Начальство будет довольно.

14

Группа захвата, сформированная особым отделом 59 дивизии и находящаяся на круглосуточном дежурстве, на этот раз сработала на редкость удачно. Николай Гайдамаков – старший этой группы, получил звонок от одного из оперов Управления КГБ по городу Тирасполю. Доверенное лицо этого опера, жившее на последнем этаже дома номер три по улице Кодряну, заметило, как в чердачный люк дома влез какой-то мужчина. Всякое могло быть – это мог быть домоуправ, ремонтник крыши, дворник, в конце – концов, какой-нибудь жилец мог искать на чердаке пропавшего кота, но Николай среагировал правильно: он поднял по тревоге группу. Ребята его подхватили автоматы, Николай – свою винтовку и через несколько минут группа, рассредоточившись, вбежала в подъезд дома номер три. Когда все были под чердачными люками, Николай по рации скомандовал «вперед», и все четыре люка в разных концах дома распахнулись одновременно. Все заорали: «Стоять! Ни с места! Не двигаться!» Рослые, в маскировочных костюмах, в черных масках, с автоматами наперевес, бойцы группы захвата, вероятно, произвели ошеломляющее впечатление на стрелка, сидевшего у центрального окошка. Он готовился к стрельбе, выковыривал стекло из пыльной рамы, винтовка – прекрасный «Манлихер» с оптикой от Цейсса стояла прислоненной к стропильной стойке. Увидев подбегающих спецназовцев во всей их «красе», снайпер осел прямо на опилки и сидел с вытаращенными от ужаса глазами. К своей винтовке он даже не дернулся.

Группа, окружив его, с интересом и азартом его разглядывала.

Николай повесил автомат на плечо, поднял «Манлихер» и набросил ружейный ремень винтовки на другое плечо.

- Ну, чего ты приятель, расселся, нам прогуляться с тобой надо, поговорить. Вставай, вставай!

Но тот сидел, прямо растекся по опилкам. Он вращал вытаращенными глазами и явно не мог подняться. Видно, что сильно испугался.

- Николай, он не может встать, он обосрался! – заржал Ваня Сердюк – боксер из спортроты.

В самом деле, по воздуху расплзался тяжелый, мерзкий запах свежего навоза.

Потом на допросе в особом отделе выяснилось, что захваченный пленный родился в Молдавии, затем переехал в Румынию и служит в спецназе, по военной специальности – снайпер. Его задача – убить как можно больше людей и сеять тем самым панику в Приднестровье.

Наряду с данными о своей воинской части, ее командиров, численности, о составе вооружения, технике и задачах, пленный выдал интересную информацию. На него выходила румынская разведка и сделала ему предложение – уничтожить какого-то русского генерала, «который очень мешает румынскому государству». Снайпер согласился, но потом на него никто не выходил. А затем ему поставили другие задачи.

- Как ты, Николай, думаешь, что это за генерал? – спросил у Гайдамакова Шрамко.

- Это политика, товарищ подполковник, а я в ней не силен. У меня задачи куда проще, - заскромничал Николай.

Они стояли во дворе штаба дивизии. Шрамко курил и нервно сплевывал.

- Да ла-аа, - миролюбиво пробурчал он. Ты же у нас вундеркинд.

Он зыркал глазами по сторонам, и мысли его были явно о другом.

- Понимаешь Коля, нутром чую, дело керосином пахнет. К Лебедю подбираются, к кому же еще... Ты представляешь, что со мной будет, если особый отдел дивизии прохлопает подготовку покушения на командующего Армией? А я могу себе представить, что от меня, славного красного командира, и дерьма не останется...

Он бросил недокуренную сигарету, дернул головой.

-Все Коля, я побежал, надо по команде докладывать. Как бы не опоздать.

Шрамко отчаянно махнул рукой и умчался к Самохвалову.

Через два дня Гайдамакова вызвали в кабинет начальника штаба дивизии. Там уже сидел Шрамко и какой-то незнакомый майор.

- Не знаете, друг друга? – спросил Самохвалов у Николая и у майора.

Оба пожали плечами. Самохвалов их представил. Майор оказался новым начальником разведки дивизии.

- Майор Нифатов Вадим Викторович, - отрекомендовался он.

- Ладно, давайте продолжим, - скомандовал Самохвалов и предоставил слово майору. – Расскажите Вадим Викторович все по порядку.

Майор очень толково и кратко рассказал суть дела. Один из источников разведки 59 дивизии, работающий военным врачом, в лазарете инженерной части, находящимся на окраине молдавского города Орхей, стал свидетелем события представляющего, с точки зрения военной разведки, оперативный интерес.

В торце второго этажа лазарета находится спешно сооруженная палата, в которой проходит лечение только один пациент – некая

гражданка Бельгии Лаура Нордфельд. Так она обозначена в медицинской карте. Пребывание ее засекречено. К ней имеет доступ только начальник лазарета и одна медсестра, которой этот начальник доверяет. Нашему агенту, однако, стало известно, что Лаура Нордфельд ранена в левое плечо, рана сквозная, задета лопатка. Известно это ему потому, что сам он – специалист по травмам и ранениям грудной клетки, и начальник лазарета всегда с ним советуется, когда речь идет о таких ранениях – сам он специализируется как врач на внутренних органах.

- Но самое главное, уважаемые коллеги, состоит в том, что... - Самохвалов перебил майора, помедлил, покачал головой, как будто раздумывал, стоит ли продолжать разговор и высказал, наконец, действительно важные детали:

- К этой Лауре три дня назад приходил установленный румынский разведчик Игорь Божану и полтора часа о чем-то с ней шептался за закрытыми дверями.

Все замолчали на какое-то время. Николай спросил:

- Товарищ подполковник, а он точно установлен как разведчик, этот Божану? Может просто навещал больную.

- Да нет, разведчик. Его наш источник давно знает. Он в свое время пытался его вербовать, встречался с ним. Кроме того, и Нифатов и чекисты подтверждают – есть такой у них в картотеках. Специалист по грязным делам. Хитрая сволочь.

Нифатов продолжил:

- Насколько я информирован, нашим снайпером недавно была ранена женщина – киллер, которая впоследствии скрылась. Ранена, именно в левое плечо. Полагаю, есть вероятность того, что это и есть Лаура Нордфельд. Проходит в Молдове лечение после ранения.

Все замолчали. В самом деле, все срасталось. Вот она где лечится эта вражина. Выступил Шрамко:

- С одной стороны, лечится и лечится. Что в этом такого? А с другой, зачем к ней приезжал этот румынский разведчик? Специалист по грязным делам. О чем они говорили? О чем договорились?

Шрамко посидел, уткнувшись глазами в стол, затем высказал сакраментальную фразу:

- Я думаю, если они о чем-то договорились, то нам мало не покажется.

Опять все посидели задумавшись. Информации было мало, но та, что имелась, была переплетена и запутана.

- Так, - пристукнул ладонью по столу подполковник Самохвалов, - Давайте нарисуем первые выводы. Итак, что мы имеем?

Первое. Раненый нами вражеский снайпер находится на лечении в военном лазарете Молдовы.

Второе. С ним, вернее с ней, провел встречу румынский разведчик, специалист по провокациям и имел долгую беседу. Ясно, что они обсуждали некую операцию с участием этого снайпера.

Самохвалов задумался. Встал с кресла, и стал ходить по кабинету, рассуждая на ходу.

- Вот теперь пораскинем мозгами, где может проходить эта операция? Ответ ясен: на нашей территории. Против кого она будет направлена? Против России и против русских и граждан Приднестровья. Видите, круг сужается. Ясно и то, в интересах кого и для чего она планируется, а также то, кто будет исполнителем. Недостреленный нами снайпер.

Он опять сел на кресло, оглядел участников совещания.

- И третье, самое главное. Помните показание пленного, которого захватила группа Гайдамакова? Он сказал, что целью румынской

разведки может быть некий российский генерал, который очень мешает Румынии. Вот и подумайте, кто может быть этим генералом? У кого какие мнения? Лично для меня ответ ясен: этим генералом может являться только командующий нашей 14 Армией – генерал-майор Лебедь Александр Иванович. Он больше всех кровушки попил у румынских и молдавских сепаратистов.

Лицо Самохвалова посветлело, наполнилось решимостью, весь он сосредоточился, собрался и дал команду:

- Товарищи офицеры, совещание закончено. - поднял телефон прямой связи с командиром дивизии.

- Валентин Иванович, есть необходимость срочно с вами посоветоваться. Очень важно. Да, так точно. Есть, есть!.

- Ну вот, - сказал он уже уходящим офицерам, - через семнадцать минут встречаюсь с генерал-майором. Все ему доложу.

А уходящего Гайдамакова, остановил:

- По-моему, Николай, тебе скоро предстоит непростая работа. Более конкретно задачу поставлю завтра. По результатам разговора с комдивом.

Это, Николай, уже давно понял. Конечно, основную работу придется выполнять ему. Но еще за столом, на совещании, ему пришла в голову шальная мысль. Настолько шальная, что он не решился озвучивать ее при всех. Засмеют, не дай Бог, а Шрамко потом съест. А сейчас, оставшись один на один с начальником штаба, он вдруг ее высказал – была - не была!

- Товарищ подполковник, может быть, нам не следует ждать от противника провокации, а самим провести упреждающие активные мероприятия?

- Что ты имеешь в виду, майор?

- Нам известно место нахождения этого лазарета, также знаем, где, в какой палате находится раненая снайперша. Вопрос можно решить небольшой десантной группой. Человек пять вполне хватит. Да я и сам бы поучаствовал, если разрешите. Там охраны никакой.

Самохвалов ошалело поглядел на Гайдамакова.

- Вот те на! По-моему, в самом деле - интересная мысль. А чего ты молчал на совещании?

- Струсил. Думал, засмеете меня. Мол, десантник выискался хренов.

- Ну ладно. А доставим людей как?

- На вертолете. По расстоянию - час лета.

- Хорошо, - махнул рукой Самохвалов, - неожиданный вариант, неподготовленный. Но я его, пожалуй, подниму сейчас у комдива. Все, Николай, до завтра.

15.

Николай истосковался по Линде. Ну что такое, звонила за эти две с половиной недели только два раза из своей Клайпеды. Да и то короткие разговоры: «Приобретаю товары,... вышла на хорошие цены,... качество устраивает,... мама болеет, много ею занимаюсь,... сыночек Георг сильно хулиганит, воспитываю его,...целую, целую,... люблю, люблю,... очень жду нашей встречи...» Телеграфный стиль. Почему она так долго не едет? Разве она не понимает, что он тоже сильно любит ее и ждет?

Днем работа, а вечером тоска и одиночество. Ему совсем не хотелось искать других женщин. Он привык к ней, к Линде, пригрелся

сердцем. Он ждал ее каждую минуту, каждую секунду, все время, пока жил без нее. А она все не ехала к нему, любимая женщина.

На другой день после обеда его нашел Шрамко и сказал:

- Поехали к Самохвалову. У него есть какая-то идея, согласованная с командиром дивизии.

«Наверно, десант», - подумал Николай.

Так и оказалось.

Начштаба в почти торжественной обстановке сообщил им, что вся ситуация доложена командующему армией. Он оценил ее как серьезную и дал команду или уничтожить снайпера противника, или взять его в плен. На то и другое предоставляется полная свобода действий с условием предоставления Лебедю всей текущей информации по складывающейся ситуации.

- Кроме того, - сообщил Самохвалов, - командующий дал команду немедленно провести в отношении находящегося на излечении снайпера вертолетную десантную операцию, для чего выделил отделение опытных бойцов десантного спецназа.

Николай сидел и размышлял: вот те на, так получается, что не он, а сам генерал Лебедь придумал эту операцию. Ну да ладно, был бы результат...

- Вылет сегодня ночью, в два ноль ноль с военного аэродрома под Дубоссарами. Ты Гайдамаков, в составе группы. Форма одежды – десантная, боевая. У тебя такой нет, но тебе ее привезут десантники. Это для того, чтобы все были одинаково одеты. Николай, с тебя спрос особый. Ты ни во что не ввязывайся. Но потом все подробно доложишь нам в дивизии. Знаем мы эти десантные войска, голубые береты, мать их за ногу. Мы все подготовили, а славу заберут всю себе. Им бы только ордена и медали на груди свои широкие вешать.

В двенадцать тридцать за Гайдамаковым заехала дежурная машина и отвезла на аэродром. Там Николай переоделся в форму десантника и получил короткий десантный автомат.

Реку Днестр и территорию над Молдовой до города Орхей пересекли без единой пометки. По ним никто не стрелял – у Молдовы нет системы ПВО, тем более стоит перемирие. Мало ли кто летает в ночном небе...

Вертолет летел по приборам над самой землей без освещения, без опознавательных знаков.

- Так его труднее и засечь, и идентифицировать. Труднее сбить. В иллюминаторе была темнота. Лишь иногда впереди вспыхивали, мелькали под вертолетом и стремительно улетали назад яркие фонарики электрических огней. Среди этих огоньков редкие дома и постройки расплывались между разбросанных теней и бесформенные терялись позади несущегося в темноте вертолетного призрака. Все было как в цветном тяжелом сне, где в темноту врываются брызги яркого света, где тона и полутона играют между собой разноцветными темными красками.

Десантная группа разделилась на две части и одновременно ворвалась в здание военного лазарета с двух имеющихся входов – центрального и заднего. В секунды взломать двери сильным, опытным ребятам не составило больших трудов. По одному автоматчику осталось на входах, третий человек на первом, четвертый – на втором этаже. Охраны, в самом деле, не было. Наверное, у лазарета не хватало денег, чтобы держать еще и охрану.

Сильно перепугались медсестры, дежурившие на этажах, когда к ним ворвались огромные люди в пятнистых балахонах с пятнистыми масками вместо лиц, с автоматами.

Но кричать им не дали. Как огромные кошки на пружинистых ногах подскочили гибкие громадины и закрыли рты широченными ладонями в перчатках. Другой рукой они грозили женщинам толстыми пальцами. И медсестры поняли, что кричать им не надо.

Вот и цель – дверь в палату, куда они стремились. Но охраны и здесь не оказалось.

«А ведь должна быть, - подумал Николай, - значит, что-то не так складывается, как намечалось».

Палата была пуста. Не было даже кровати. Результат – ноль! Впустую слетали

Успела, ушла, ускользнула из-под носа. Опаснейшая вражина вырвалась опять на оперативный простор. Теперь гуляет среди людей неприметная, одинаковая, такая же, как все. Готовит новые гадости. А генерала Лебедея надо спасать...

Для Николая было очевидно, что ему практически одному придется внедряться в хитросплетения ее коварных, неожиданных замыслов, быть самостоятельным в этой непостижимой, нестандартной многоходовой игре. В смертельной схватке, в конце которой один из двух участников неминуемо погибнет.

Такие фатальные мысли бродили в голове Николая Гайдамакова, когда он сидел в вертолетном пузе, и винтокрылая машина несла его домой, на военный аэродром.

16.

Вечером следующего дня к Николаю заехал на работу начальник особого отдела дивизии Виктор Шрамко. Вид у него был усталый, раздраженный. Сообщил:

- Имел тяжелый разговор с Самохваловым. Он нервничает и сильно ругается. Корит нас, что вот-вот может состояться покушение на командарма, а мы не чешемся. Ни на шаг, говорит, не продвинулись.

«У вас у всех скоро, говорит, я-ца поотрывают, а вы мышей мать-перемать не ловите», - скопировал он ругань начштаба.

- Тебя ругает, мол, ты втянул всех в авантюру с десантом. Это же, Николай, не твоя идея, а с самого верха пришла. Ты-то тут причем?

- Да я и сам не пойму, - развел руками Гайдамаков. Он с курсантских времен знал золотой смысл точных стихов Твардовского: «Города сдают солдаты, генералы их берут».

Шрамко посидел на краешке стола, поерзал. Хмуро спросил:

- У тебя есть что-нибудь в загашнике?

Гайдамаков качнул отрицательно головой.

- Что и полстакана не найдется?

И, видя, что каши тут не сваришь, Шрамко рубанул воздух ладонью.

- Все, поехали ко мне домой. Борща поедим, маленько расслабимся. Надо нам с тобой, товарищ майор, крепко репу почесать. В самом деле ситуация запутанная...

Шрамко жил в городе, но, считай, в военном городке. Его пятиэтажный кирпичный дом стоял среди других ДОСов – домов офицерского состава – казенного городка, где жили офицеры и прапорщики 59 гвардейской стрелковой дивизии. Жили как в деревне, где все друг друга знают. Поэтому у особого отдела не было проблем с получением информации по кадровой части: кто с кем поругался, кто с кем спит и, кто кому изменяет. Все на виду, как в деревне.

Но в квартире у главного контрразведчика не было так казенно, как в офицерском городке, а было уютно и прикладисто. Добрая хозяйка, такая же хохлушка, как и хозяин, держала дом в образцовой

чистоте и порядке. И вся обстановка – и стены, и мебель, и комнаты, и кухня дышали уютом и теплом семейного гнезда. И пирогами.

- Моей бы, Вере Сергеевне, да комендантом гарнизона быть, - говаривал Шрамко не без гордости за жену, - вот бы порядок был, вот бы чистота! Все бы в тапках по асфальту ходили! Справный был бы гарнизон.

Вера Сергеевна, в самом деле накормила их гарным украинским борщом с сальными шкварками, выпили они по две – три рюмки горилки с красными стручками перца внутри бутылки и Шрамко маленько оттаял, разомлел на стуле, выдохнул разом тягость, лежавшую под сердцем, и сказал:

- Пойдем, Коля, погуляем, друг ты мой закадычный. Накопились у нас задачки каверзные. Надо бы нам с тобой их обмозговать, а то беды не оберешься. Погоны со всех полетят, а с меня в первую очередь. Таких волкодавов спустят...

Они вышли на улицу, и пошли по аллее. Теплый вечер конца лета, словно добрый сеятель, выбросил на город свежую росу, примял серебристой тонкой водяной каплейю рассыпанную в воздухе пыль. И она послушно улеглась на землю и не мешала людям дышать.

В конце аллеи они сели на скамейку, над которой висела огромная шапка ветвей акации. Шрамко вынул из кармана спортивной куртки блокнот, раскрыл его и стал рассуждать, держа ручку над чистым блокнотным листом.

- Что мы имеем? Давай думать вместе. Подключайся.

Он поднял лицо вверх и уставился на мелкие, смутные звезды еще не наступившей ночи.

- А имеем мы с тобой, товарищ красный командир, очень и очень мало.

- Давай пропишем то, что уже очевидно, не вызывает сомнений, - предложил Гайдамаков. – Кое-что уже есть.

- Например?

- Например, то, что румынская разведка готовит покушение на командарма Лебеда. Это, по-моему - ясно.

- Не совсем ясно, конечно, но предпосылки к этому сильные действительно есть. Что еще?

- Для выполнения этой задачи подключается очень опытный снайпер, уже убивший кучу мирных граждан и военных.

- И это не совсем очевидно. Но основание, так полагать, тоже есть серьезные. Дальше?

- А вот дальше я, как ежик в тумане. Дальше надо выяснять место и время операции. Моих мозгов тут не хватает, - Николай оперся локтями в колени и опустил голову на колени.

- А вот тут ты не прибедняйся относительно своих мозгов. Ты со своими мозгами, брат мой сердешный, девятерых снайперов ухлопал. Тут такие мозги нужны были! Они у тебя нашлись же, нашлись. Так, что давай думать, Николай, давай думать, не расслабляйся.

- Восьмерых.

- А как же тот, которого под твоим мудрым руководством захватили недавно?

- Это не моя заслуга, а общая.

- Э-э, Коля, с таким подходом ты к раздаче орденов ни как не поспеешь. А в этих делах надо быть в первых рядах.

Они помолчали. В самом деле, при всей опасности ситуации, очень много не ясного. Шрамко что-то записывал в свой блокнот, сидел, размышлял вслух:

- Сейчас такое положение дел, что есть большая опасность разметать силы и средства в неверных направлениях и совершить

ошибку, принять неправильное решение. Но есть одно обстоятельство, которое, по-моему, поможет нам выбрать правильную дорогу.

Он вытащил из кармана легкой своей куртки квадратную, объемистую пачку «Казбека», достал папиросу и машинально, глядя перед собой, занятый другими мыслями, выколотил об коробку тыльную часть папиросы. Курил он теперь редко и как-бы украдкой, потому что Вера Сергеевна беспощадно стыдила его за бесхарактерность и неспособность бросить «эту отраву». Но бывали минуты, когда покурить страшно хотелось, и было, просто необходимо это сделать. Сейчас как раз была такая минута.

- Давай сначала о месте возможного теракта, - он глубоко вздохнул казбекский дым. – Мы покумекали тут с Самохваловым, и решили так. У этого снайпера, да и вообще у той стороны нет никакого резона пытаться ликвидировать Лебеда в штабе армии, около штаба, или вообще в Тирасполе. Это не выгодно и глупо, потому, что убийство генерала должно быть актом возмездия за его разгром в молдавских вооруженных силах. Ну выстрелят в него здесь. Ну и что? Кто стрелял, зачем стрелял? Чего этим хотели сказать?

Шрамко сделал глубокую затяжку и сказал - как отрезал:

- В него могут стрелять только в Молдавии. Если у румынской разведки это получится, то будут достигнуты две важных для них цели. Во-первых, это в самом деле месть, за то, что Лебедь расхреначил их армию. И, во-вторых, они покажут всем, в том числе румынскому и молдавскому населению, что умеют мстить врагам новой Бессарабии. Умеют! Это поднимет боевой дух молдавских солдат и офицеров, возродит национальное самосознание и патриотизм населения. Это важно, согласись.

- Конечно, конечно, согласен, - закивал Гайдамаков.

- Теперь о времени покушения.

Дымя папиросой и сладостно вдыхая в большую свою украинскую грудь табачный дым, Шрамко наслаждался еще и свободой и неопасностью этой обстановки, когда он может вот так легко и расслабленно подымить, не боясь попасть под кинжальный огонь нареканий со стороны Веры Сергеевны.

- Этот вопрос, наверное, самый сложный, но, похоже, и самый простой.

Вот уж каламбур так каламбур. Как это: простой – сложный вопрос? Должно быть что-то одно.

Разглядев недоумение Николая, Шрамко заулыбался. Ему маленько льстило то, что живет она в нем – вот эта его непредсказуемость. А как же, грамотный опер и должен быть непредсказуемым.

- Ничего тут загадочного нет. Просто шестнадцатого числа у Президента Молдовы состоится крупное совещание, на котором будут присутствовать представители силовых структур Румынии, Молдовы и России. Речь пойдет о взаимодействии в условиях мирного соглашения. Лебедь туда приглашен, его присутствие обязательно. Представляешь ситуацию, если Лебедь не явится на это совещание по причине своей гибели. Тут не только совещание сорвется. Сорвется весь процесс урегулирования конфликта, сорвутся все мирные договоренности. Опять будет война. Россия не простит гибель своего генерала. И Румыния добьется своих целей: Молдова, конечно, запросит у нее помощи и уйдет в ее состав.

- Вот дела, так дела, - задумчиво произнес Николай. – Получается, что на Лебеда будут покушаться исключительно на его пути в Кишинев.

- Да, так именно и получается.

Гайдамаков скрестил на груди руки, покачал молча головой, поразмышлял:

- Выходит, Виктор Федорович, время возможного покушения у нас имеется, практически, точное. А вот что касается места – тут сложнее. Путь от Тирасполя до Кишинева очень длинный. Где засидка будет? Как определить?

А Шрамко вдруг повеселел:

- Эх, Николаша, нам ли жить в печали? Не из таких положений выползали. У нас еще пять дней впереди!

17

Генерал-майор Лебедь - командующий 14 общевойсковой армией проводил совещание по весьма деликатному вопросу. От результатов этого совещания, от того, как оно пройдет, какие решения будут приняты, зависит - остается он – Лебедь в живых или же исключат его из списков личного состава, снимут с котлового довольствия.

Примерно с такими интонациями и начал он совещание. Ему бы хотелось повернуть все на шутку, на нелепицу, чей-то глупый вздор. Ведь казалась абсурдной, фантастической сама мысль, что он, Лебедь, боевой генерал, заслуженный, уважаемый даже врагами человек, здоровенный мужик, может оказаться мишенью какой-то там девчонки, что его голова ляжет в перекрестие снайперского прицела...

- Очень бы мне не хотелось, чтобы моя голова получила дырку и проветривалась на летнем ветерке, - генерал уважал военный юмор и шутил всегда смачно, не улыбаясь, глядя всем в глаза. Его громоподобный голос на совещаниях гремел ровными раскатами, без перемены интонации и подчиненные никогда не понимали, где тут

шутка, а где прямой разнос. Хотя то и другое у генерала зачастую было неотрывно друг от друга. У него это получалось.

- Давайте, господа хорошие, исходить именно из этого приоритета на это и направим наше совещание. – Он положил локти на стол и поставил задачу:

- Во-первых, хотелось бы почетче очертить всю ситуацию. Для этого считаю целесообразным выслушать всех. А потом определимся, кому и чего надо сделать, чтобы не допустить такого печального события - безвременной кончины вашего командующего.

Все участники совещания были по-особенному внимательны ко всему происходящему. Во взглядах у всех сквозила и настороженность, и любопытство. В кои-то веки на повестке дня совершенно нестандартный вопрос: готовящееся покушение на командующего армией.

- Предлагаю выступить командиру дивизии и ознакомить всех со складывающейся оперативной обстановкой, - сказал Лебедь.

Тот встал и довольно лаконично, грамотно и последовательно выстроил всю цепь событий, из которых следовало, что ситуация в самом деле куда как серьезна. Особенно он подчеркнул результативность действий румынского снайпера в Тирасполе и его окрестностях – около 40 убитых людей – гражданских и военных.

- Помните, товарищ генерал, трагические события в тот момент, когда вы приехали в Приднестровье? Тогда было убито трое – два пенсионера и наш военнослужащий транспортной роты? – задал вопрос командир дивизии.

- Помню, как же можно забыть, - кивнул Лебедь.

- Так это и есть работа той самой румынской снайперши. Говоря по правде, национальности мы ее не знаем. Известно только точно, что она завербована и работает под руководством румынской разведки.

Лебедь помолчал, покачал своей коротко стриженной головой:

- Да, безжалостная сучка. И умелая ничего не скажешь.

- Ну, хорошо, - спросил командарм после паузы, - так как же мы с ней будем бороться, с такой опытной заразой?

На этот вопрос конкретного ответа не было ни у кого. Все замолчали. Вопрос был крайне серьезен. Участники совещания опасались опростоволоситься перед командующим армией, ляпнуть какую-нибудь оплошность. Почти никто из них не имел опыта борьбы со снайперами, не обладал достаточными навыками. Тем более у каждого карьера, судьба, звезды, которые могут появиться на погонах, а могут - и нет, а то и вообще упасть с погон.

И все же вопрос по своей компетенции больше относился к особистам. Предвидя вопросы к нему, начальник особого отдела армии как школьник поднял руку и сказал:

- Александр Иванович, определенная информация по этому вопросу имеется у особого отдела дивизии. Они занимаются проблемой, довольно системно. Полагаю, целесообразно было бы заслушать подполковника Шрамко.

Тот вздрогнул от неожиданности. Уже старый служака, он и сам уже давно впитал в себя способность подставлять под удар нижестоящих, но это всегда так взбадривает...

Тем не менее, подполковник Шрамко резво поднялся, опустил руки по швам, потому что стоял перед высоким начальством и, заметно волнуясь, выстроил перед собравшимися всю картину. А на вопрос о том, как бороться с вражеским снайпером, Шрамко доложил, что у особого отдела дивизии имеются не менее опытные и результативные

сотрудники, которые умеют хорошо разбираться в любых хитросплетениях вражеских замыслов и успешно борются с ними. К ним, например, относятся майор Гайдамаков, который присутствует на совещании и готов доложить прямо сейчас о плане своих действий.

Все посмотрели на Николая, который от неожиданности готов был залезть под стол и сидеть там, спрятавшись под толстыми досками генеральской столешницы. Шрамко сел на свой стул и глядел перед собой, как будто ничего не произошло. А Гайдамакову пришлось встать. Он впервые выступал перед такой полновластной аудиторией. Николай оробел и растерялся. Генералы и полковники глядели на него как на человека, который вот прямо сейчас разрешит все проблемы, поставит перед всеми задачи и спасет жизнь командующему армией. Спасет прямо сейчас.

Лебедь глядел на него с любопытством.

- Снайпер, ты майор? – прогремел откуда-то сверху его знаменитый бас.

- Так точно.

- Как ты попал в снайперы? Ты же майор, тебе батальоном командовать надо, а ты за кустами прячешься.

Гайдамакову стало маленько обидно, что его профессию так явно не ценят, но он собрался, только нахмурился слегка, ответил с достоинством:

- Я мастер спорта по пулевой стрельбе, член сборной общества «Динамо». Но работаю я не в этой области. Я сотрудник особого отдела московского гарнизона, начальник отделения. Меня сюда командировали для борьбы со снайперами, которые сеют панику в Приднестровье. Командировали потому, что у меня серьезный опыт работы в горячих точках. Работы по снайперам противника.

- Понятно, - сказал Лебедь вполне миролюбиво. – А сколько у тебя этих, как их назвать, ликвидированных?

- Восемь.

- Я желаю тебе, майор, чтобы их в ближайшее время стало девять. Надеюсь, ты меня понял? А теперь доложи нам, как ты собираешься сражаться с этим самым девятым?

- Я знаю, что вы товарищ генерал, обязаны быть на совещании в Кишиневе, которое состоится через три дня.

Лебедь ничего не ответил, но и не возразил. В соответствии с правилами военного этикета генерал-майор Лебедь не должен был публично сообщать о своих планах, но все поняли: да он действительно обязан быть на том самом совещании.

- Я изучил маршрут Вашей поездки и могу предположить, что до Днестра на вас покушений не может быть.

- Почему? – поинтересовался Лебедь.

- Задача румынской разведки сорвать мирный процесс между Россией, Молдовой и Румынией. Покушение на нашей стороне ни к чему не приведет. Стрельба в российского генерала на стороне, контролируемой Россией, никакого резонанса иметь не будет. Это наше внутреннее дело, а им нужен скандал. Поэтому покушение должно состояться на молдавской стороне, чтобы рассорить Россию с Молдовой и притянуть ее опять к Румынии.

- Все логично, - согласился командарм, и все закивали согласно головами. – Но дорога по Молдове тоже будет длинная. Как ты, майор, спасти меня будешь?

Николай пришел в себя окончательно. Теперь он держался спокойно, уверенно, докладывал последовательно и четко.

- На этот счет есть два соображения. Первое – это то, что самой Молдове не нужны никакие неприятности, которые могут произойти с

Вами по дороге на их территории. Это будет крупнейший международный скандал, который будет катастрофой для Молдовы. Молдова понимает, что Россия ответит на это самым беспощадным образом, и ей будет светить вечный разрыв отношений с нами, а это Молдове не выгодно.

- Опять логично, - закивал головой Лебедь. – Что дальше, майор? Откуда и где ждать удара?

- Думаю, что по территории Молдовы до Кишинева вас будет сопровождать эскорт молдавской полиции, и вы будете ехать очень быстро, минуя все светофоры. А это означает, что румынскому снайперу к Вашей машине не приблизиться и у него совсем не будет времени, чтобы отыскать Вас в этом эскорте среди других машин, выделить, успеть выстрелить... В условиях, когда снайпер не знает, в какой машине вы находитесь, это все выполнить за доли секунды крайне сложно, практически невозможно.

- Тогда получается, что на нашей стороне стрелять по мне не будут, не выгодно, на молдавской – невозможно, то, когда же будет теракт, на какой стадии?

- Думаю, товарищ генерал, огонь по Вам откроют, когда Ваша машина поедет по мосту через Днестр или же сразу, как только она пересечет мост. В любом случае это должно произойти до подъезда к КПП, где Вас будет ждать молдавский эскорт.

- Какой в этом смысл? – пробурчал Лебедь громоподобно. – Мост – нейтральная территория. Получается, что пропадает политическая подоплека, а она должна быть, согласитесь, товарищи офицеры. Должна!

- Подоплека эта будет, потому что выстрел произойдет с молдавской стороны, с молдавского берега. Никакой экспертизы не потребуется: это будет для всех очевидно, что по русскому генералу

стреляли молдаване. – Николай говорил убежденно, напористо, он был уверен в своей правоте, в своих аргументах.

- А почему ты, товарищ майор, полагаешь, что стрельба по мне должна обязательно состояться не в присутствии эскорта, а до того, как я к нему подъеду?

- Тут все просто: если снайпер по Вам выстрелит в присутствии военных из сопровождения, то все они помчатся на поиски этого снайпера. И точно его найдут и заколотят палками, запинают. Снайпер это понимает и не захочет подставляться. Он постарается стрелять скрытно от всех.

Опять все замолчали. Лебедь сидел, слегка покачиваясь в кресле, глядел перед собой. Поскрипывали перья ручек участников совещания. Все они что-то старательно молча записывали в свои блокноты.

- Ну хорошо, вроде бы все сходится. Пока. Будем над этим думать. – прервал тишину генеральский бас. – А какое твое другое соображение, майор? Ты же сказал, у тебя их два.

- А второе заключается в том, Александр Иванович, что по Вам лично никто стрелять и не будет. Ваша жизнь должна быть в безопасности в любом случае. – Сказал так Гайдамаков и даже слегка улыбнулся.

- Это ты, товарищ снайпер, за румынскую разведку так решил? С ней, что ли договорился?

И все, в самом деле, как будто обомлели и не знали чего тут делать? То ли ухмыляться вместе с генерал-майором Лебедем, то ли руки крутить этому майору Гайдамакову, явному пособнику румынской разведки.

Гайдамаков быстро сообразил, что не вполне корректно высказался и объяснил то, чего хотел выразить.

- Я хочу сказать, товарищ генерал-майор, что вместо вас в машине должен сидеть манекен. А Вы поедете в другой крытой машине, в которой поедет охрана.

Лебедь приложил ладонь трубочкой ко рту, крикнул. Большое тело его запередвигалось в кресле. Какое-то время он не знал, как тут среагировать, чего сказать? В самом деле, этот майор, видно, толковый парень. Ему бы побольше таких. Вон сидят все с умным видом, как будто их не интересует жизнь их командира. А этот, молодой парень, видно, что специалист в своем деле, что-то придумывает, предлагает, сражается...

Не превратить бы все это в комедию, засмеют ведь однополчане. И Москва засмеет, там тоже мастера подстав, паркетные умники...

- По-моему, ты, майор, из меня посмешище сделать хочешь. Манекена из меня лепишь – может, этот манекен и армией будет командовать вместо меня! Петрушкой назовешь. Сядет в это кресло и будет руководить. А что! Только ему физиономию надо умнее, чем у меня, сделать. Ну, это, по-моему, не так уже и сложно.

Лебедь прокачивал ситуацию. В самом деле, мысль-то у этого парня московского прекрасная – сделать куклу, вылепить подходящую морду, натянуть генеральскую фуражку, мундир и на переднее сиденье вместо него, а он уедет на любой другой машине. И жизнь ему гарантировано сохранится, и вражеского снайпера засечь и ликвидировать можно будет (а это тоже в зачет ему пойдет как военная хитрость) и задание правительства он выполнит – поучаствует в работе в самом деле важного межгосударственного совещания. Только надо верно все выстроить, подготовить. А мысль хорошая.

Гайдамаков не знал, что и сказать. Как объяснишь этим важным военным, что ситуация в самом деле наипаснейшая, что другого варианта нет, просто нет.

Он стоял и молчал. Молчали все потому, что не понимали, как среагирует командарм.

Выручил командир дивизии – генерал-майор Яковлев. Он прошел Афганистан, самые кровавые события. Он спас на войне много народу, и в этой жизни уже ничего не боялся.

- Разрешите мне высказаться, - обратился он к Лебедю и, когда тот кивнул, поднялся.

- Я, товарищ генерал-майор, полагаю, что майор Гайдамаков совершенно прав. Вам нельзя подставляться под снайперскую пулю. Это нельзя допустить ни в коем случае. Пусть у кого-то это и вызывает улыбку, но пусть уж будет эта улыбка, чем убитый генерал Российской армии. Я так говорю потому, что уверен – покушение будет! Это нужно нашим врагам. Мне кажется, мы должны поддержать майора Гайдамакова. Он придумал хороший план.

Яковлев постоял, как будто подбирал слова:

- А этого, двойника Вашего, товарищ генерал-майор, или как его там – манекена, надо просто хорошо сделать, чтобы похож был. Иначе все сорваться может.

И он сел на свой стул, достал платок и вытер вспотевшие щеки.

Все как - будто облегченно вздохнули, зашаркали стульями, зашелестели блокнотами.

Лебедь подумал: «Ну, слава Богу! Ситуация вырулила на верную дорогу. Молодец, Яковлев выручил». И обратился к участникам совещания:

- Есть другие мнения?

Других мнений никто не высказал.

Тогда Лебедь обвел всех спокойным полусонным взглядом и сказал то, что обязан был сказать:

- Надеюсь, все участники совещания понимают, что я должен выполнить поручение Президента нашей страны и быть в Кишиневе в точно обозначенный срок. Мы военные как никто осознаем, что воля Президента России, нашего Верховного Главнокомандующего, должна исполняться во чтобы то ни стало. Вот и мы с вами обязаны ее исполнить.

Лебедь знал: никто и никогда не упрекнет его в излишних военных хитростях.

И голосом расслабленного, сытого льва, он спросил:

- Ну, товарищи боевые командиры, у кого из вас есть в хозяйстве художник, или скульптор, который сможет сделать копию моей красивой головы? Сделать быстро, за сутки. Размеры моей благодарности будут безграничны.

Лебедь выступал в своем жанре.

Совещание закончилось быстро. И был определен скульптор - оформитель одного из батальонов 59 дивизии – он закончил Московское Суриковское училище по классу скульптуры, толковый сержант – срочник. Через десять минут после совещания ему была поставлена задача, и были обсуждены некоторые детали.....

Когда все разошлись, Лебедь оставил в кабинете только одного майора Гайдамакова:

- Я вижу, с головой у тебя все хорошо, - сказал Николаю генерал-майор Лебедь. – Поэтому я прошу тебя, майор, продумай и сделай все как следует. Мне нельзя подставляться, обстановка сложная... Политика, мать ее за ногу... А я тебя не забуду.

Оставалось совсем мало времени. Николай все время был в

поиске, в рассмотрении самых разных вариантов развития событий.

Итак, время операции было установлено достаточно точно. Об этом можно было говорить с определенностью. А вот, что касается места ее проведения вражеским стрелком – в этом заключался большой вопрос. Казалось бы, да, все правильно, съезд с моста через Днестр на молдавскую сторону – место куда как подходящее для теракта. Ясно всем будет, что стреляли с молдавской стороны, а это основа для серьезнейшего международного конфликта. Да и для стрелка меньше риска: здесь еще не будет эскорта из молдавских полицейских. Он будет сопровождать важного гостя, начиная от первого контрольно-пропускного пункта, а тот дальше, метрах в двухстах от края моста. Машины пойдут по Молдавии на большой скорости по дороге Одесса – Москва, минуя Бендеры.

Для румынского снайпера это означало, что надежно скрыться около этой дороги ему будет сложно: больших зданий вдоль нее нет. В деревнях все знают друг друга, женщине-снайперу затеряться в них будет сложно. В окрестном редколесье и кустарнике в случае стрельбы обнаружат, быстро настигнут, военные и полицейские из мобильной группы захвата, которая будет сопровождать эскорт. Тем более - что женщина с винтовкой не так быстро бежит, как натренированные спецназовцы.

Николай все время размышлял об этом. Он очень боялся ошибиться, подвести Лебеда, командира дивизии Яковлева, подполковника Шрамко и всех- всех, доверивших ему столь важную операцию, поверивших его опыту и мастерству.

Гайдамаков нашел двух пожилых рабочих из воинской части, имевших родственников в Кишиневе – мужа и жену, и вместе с ними, тоже как гражданский человек, их родственник, съездил в Кишинев по той самой дороге. Ехали на старом, раздолбанном «Москвиче».

Николай сидел за рулем и внимательно, с особой дотошностью осмотрел, проштудировал всю дорогу от Тирасполя до Кишинева. Где, в каком месте возможна боевая позиция снайпера? Очень удобных мест он выделил на карте-пятисотметровке четыре, возможно подходящих – шесть. Карту через особистов передали старшему группы десантников, которые с российской стороны будут сопровождать Лебеда в поездке. При приближении к этим местам те должны быть особенно внимательны и готовы к немедленным действиям по захвату террориста. А это значит: вести особо внимательное наблюдение за всей обстановкой, выявлять точки, откуда ведется огонь. В случае появления опасности немедленно десантироваться из машин и стремительным броском настичь террориста и захватить его, в случае огневого сопротивления – уничтожить.

Так-то так, и эти задачи были поставлены всем, кому нужно, включая молдавскую сторону, но Николай знал главное, чего никому, естественно, не озвучивал. Он понимал, как опытный мастер своей профессии, что в данном случае все они имеют дело с очень подготовленным и хладнокровным профессионалом. Что его винтовка снабжена великолепным глушителем, и звук выстрела такой винтовки будет не более громким, чем треск ломаемого карандаша и в грохоте машин не будет слышен совсем. Он знал, и то, что при дневном свете не будет никакой вспышки, тем более что у винтовки наверняка прекрасный пламегаситель. И выстрелит снайпер из такого укрытия, такого схрона, что его никто никогда не увидит, даже если будет рядом.

Гайдамаков понимал, что внезапность будет полная, что противник подготовил свою операцию очень и очень тщательно, тем более продумал свой уход с позиции. И уж, конечно, столь тщательная

подготовка со стороны снайпера, не предусматривала даже малой возможности его физического захвата, какими - то там солдатами.

Все это понимал Николай Гайдамаков, так же отчетливо он осознавал и то, что только его и никакого другого человека подготовка, опыт и умение не смогут привести к уничтожению столь опасного вражеского террориста. И в мыслях своих Николай приходил к тому, что в этом понимании не было и в самом деле никакого самодовольства или самолюбования, а было только огромное чувство ответственности за выполнение сложной задачи, которую ему поручило командование. И была тяжелая усталость от взвалившейся на него ноши.

Была у Николая Гайдамакова еще одна ноша, которую он нес теперь повседневно, ежечасно. Но он теперь только в самом страшном сне мог бы увидеть, представить или почувствовать, что эта ноша может упасть с его плеч и освободить от своей сладкой тяжести. Это было давно утраченное и уже позабытое в суетной армейской жизни чувство нежности, вновь случайно приобретенное в новых суровых условиях войны, в чужом краю. Это было чувство любви к женщине. Он словно шел и шел навстречу холодному ветру по промозглым местам и на каком-то диком болоте нашел теплый комочек, который сидел на одинокой кочке и качал веселыми ножками. Он поднял комочек с мерзлой земли и осторожно прижал к своей груди. А комочек прильнул к нему, обдал всем теплом, которое хранил в себе, и звонко запел ладную песенку на непонятном ему языке Прибалтики.

Линда часто, когда они лежали в постели с обращенными в небо глазами или когда гуляли по малолюдным улицам, мурлыкала эту мелодию и говорила, что это песня древних ливов, возвращающихся домой из военных походов.

Теперь, когда Линды рядом временно не было, Николай и сам невольно напевал ставшим родным мотив.

Он ждал ее, очень ждал. Комочек растеплил его сердце.

А она все не ехала. Совсем пропала в своей Литве в поисках товара и, наверное, в объятиях своего сынишки и мамы. Николай понимал это, но все равно томился. Томился и ждал, ждал. Иногда ходил на рынок, проходил мимо ее секции. Та была никем не занята. Тоже стоит и ждет.

А товарки подначивали:

- Все, Коля, бросила тебя твоя разлюбезная. - И хохотали довольные.

Но Николай был уверен: она его тоже крепко любит. Ее тоже зацепила нежность...

И мать его уже была с ним согласна. В последних телефонных разговорах она сама вдруг заговорила о Линде:

- Ну и что тут такого в самом деле... Ну есть у нее сыночек... Скорее всего хороший мальчик, у такой милой женщины, наверняка хороший сынок... Внучком мне будет... Я ведь так, Коленька, сожалею, что у меня внука ни одного до сих пор нету... Приезжайте, приезжайте скорее... Будем жить все вместе, места всем хватит...

Теперь, в самом деле, уже скоро. Линда звонила пару дней назад и сообщила: будет дня через четыре-пять. Скорей бы.

А пока – вот эта гнойная болячка – снайпер. Гайдамаков опять выпросил себе напарника Виталия Нефедова, лейтенанта из военной разведки 59 дивизии и с ним «лопатил» ситуацию. Нефедов – смысленый парень, все схватывал на лету и был верным Николаю помощником.

Они с большой долей вероятности, в конце - концов, определили: скорее всего стрелок будет вести огонь с позиции, которую Гайдамаков

уже давно держал в голове. Это было то самое колодезное бетонное кольцо, которое Николай давно определил как возможную снайперскую огневую точку. Оно лежало на покатом молдавском берегу среди травы и мелкого кустарника метрах в ста от кромки моста и от шоссе, которое за мостом начиналось. От времени и от бетонной тяжести кольцо сантиметров на двадцать вросло в мягкую землю правого берега Днестра. Потемневший от дождей и солнца в серых пятнах бетон почти сливался с пестрой природой молдавских ландшафтов конца лета.

Николай с Нефедовым сначала долго осматривали с разных ракурсов это бетонное изделие.

Рассматривали со своего берега в сильный, четырнадцатикратный бинокль и решили: да, это возможная позиция снайпера. Во-первых, оттуда прекрасный обзор моста и окружающей местности, во-вторых, если обнаружат, то стрелок, окруженный со всех сторон толстым бетоном, защищен от ответного огня. В-третьих, снайпер, находясь, по сути в бетонной бочке, может не опасаться за свою маскировку, его не видно ни откуда и он свободен в своих движениях.

Однако было очевидно и то, что в лицевой стенке бетонного кольца, повернутого к мосту, должна была быть выбита дыра – амбразура, в которую можно было высунуть винтовку. Это надо было проверить. Если ее нет, то нет и огневой точки.

- Ты знаешь, Виталик, - сказал Николай Нефедову, лежа за биноклем, - не понятно мне, как эта чертова кукла будет подходить к своему стрельбищу? Берег-то довольно пустой, а травка и кустики эти – как волосики на одном голом месте. Догадываешься на каком?

- Согласен, - подтвердил Нефедов. – Место просматривается.

- Ну и что ты, великий следопыт-разведчик скажешь?

- Там, товарищ майор, должен быть оборудован какой-то подход к этой бочке, например, траншея.

- Благодарю Боженьку, что дал мне такого умного напарника, такую светлую голову. И что ты еще скажешь, пытливый ты наш? Думай, будущее светило советской разведки.

Нефедов тон подхватил. Ему нравилось работать с Гайдамаковым.

- Думаю я, товарищ гвардии офицер, что придется нам с Вами перебраться на тот берег и произвести доразведку.

- Под покровом ночи?

- Так точно, под покровом ночи.

- В таком случае, Виталик, вся ответственность за успех или срыв операции возлагается на тебя. На твои хрупкие плечи.

Нефедов заулыбался.

- Вы же старший нашей группы, товарищ майор.

- Нет уже, брат ты мой, идея твоя, ты и под плаху пойдешь.

Гайдамакову понравилось, что его решение совпадало с мнением Нефедова. Значит решение правильное.

Посреди ночи они с Нефедовым переплыли на резиновой лодке Днестр. Переправа состоялась в километре выше по течению, за городом. На другом берегу они спрятали лодку в кустах, развернули удочки, захватили с собой подсачники и как два заправских рыболова стали спускаться вдоль реки. Иногда останавливались, забрасывали удочки, вполголоса говорили о рыбалке, о неважнецкой ветреной погоде, о плохом клеве, о том, что зря не взяли спиннинги.

- Вон голавль как ходит, вишь хвостом бьет стервец, счас бы я его на «серебрянку» плоскую взял бы. Или на вертуху лучше, как ты считаешь, Вован, - скрипучим полупшепотом интересовался

Гайдамаков. Так приглушенно говорят все рыбаки, когда рыба совсем рядом.

- На вертуху, думаю, лучше бы. Только на белую. Голавль белую любит, - ворчал молодым баском Нефедов.

Так, с неторопливыми рыбацкими разговорами, да с остановками они и дошли до места, выше которого на пологом берегу и лежало полу-вросшее в землю бетонное кольцо. До моста оставалось совсем уже не много – как раз расстояние прицельного снайперского выстрела по движущейся мишени.

Сейчас их бы не признал никто из знакомых военных. В сидящих криво на головах заляпанных стареньких шапочках, в залатанных настоящих рыбацких куртках, забрызганных старой прилипшей чешуей, в сапожищах, они в самом деле походили на закоренелых, вечно выпивших рыбаков – браконьеров с городской окраины. Встретился бы даже, гвардии подполковник Шрамко, и он бы прошел мимо, даже не глянув на местных забулдыг.

Нефедов забросил обе удочки, воткнул их в берег, а сам сел перед ними в вересковый куст. Его задача – следить за обстановкой. Под шапочкой у него наушники, воткнутые в уши, на шее под воротом куртки – микрофон. То же самое у Гайдамакова.

А Николай сказал, что надо запаливать костер, достал из рюкзака чайник, поставил его у воды, пошел за дровами.

Идя и собирая веточки, он дошел до бетонного кольца. Было непонятно, кто оставил его здесь в этом пустынном месте, где не было никакой стройки? Крепко тронутое временем, стоит оно здесь, наверно, не менее десятка лет.

Со стороны моста около земли в боковине действительно кем-то пробита дыра. Наверно, отсюда выглядывал ствол, убивший на мосту

двух человек. Самое интересное, что с противоположной стороны к кольцу на самом деле подходила траншея. Начинаясь она от лаза внутрь кольца и уходила за бугор, торчащий над берегом. Глубина траншеи была сантиметров восемьдесят, длина – около пятнадцати метров. Сделано все было довольно грамотно: ни траншеи, ни лаза в бетоне со стороны совсем не было видно. Снайпер стреляет, уходит по траншее за бугор, а там начинается густой кустарник, и он свободно идет по лесу к проселочной дороге, на которой его ждет машина.

Идеальное место. Стрелка совсем не видно за все время операции.

На дне траншеи Николай нашел то, что очень хотел найти. И внутри бетонной бочки и повсюду по траншее были вмятины от совсем свежих следов.

Он нашел засидку! Снайпер спрячется здесь!

Николай понял и другое: он не достанет эту хитрую мадам со своего приднестровского берега, он ее просто не увидит. И не ликвидирует опаснейшего врага, который давно сидит в его печенках.

Выход получается один: ему самому с Нефедовым надо готовить свою позицию здесь, на этом молдавском берегу.

Но где спрятаться?

У снайпера, скорее всего, будет напарник. Кто-то должен обеспечивать безопасность такой сложной и опасной операции. Он будет где-то рядом и будет следить за всем и если будет нужно, откроет огонь.

- Чего проще, - размышлял Николай, - залечь ему самому где-то тут и «погасить» стрелка противника еще до того, как он подойдет к своей огневой позиции. Тогда и манекены никакие не понадобятся бы.

Но так не получится, будет скрытая охрана, несомненно - будет.

Выход из ситуации Гайдамаков нашел довольно простой. Как бы собирая сучья, он пошел от кольца по вершине пологого берега. Отошел метров на восемьдесят. Здесь, в стороне, среди мелкого кустарника его никто не увидит. Здесь не будет охраны. В довольно ярком свете августовской луны в бинокль он разглядел и вход в бетонное кольцо, и начало траншеи. У него будет пара-тройка секунд, чтобы совместить крестик прицела с переносицей снайпера, потому что тот будет не выбегать, а выползать со своей засидки. А это достаточное время...

В наушниках шуршал тихий голос Нефедова, который докладывал, что обстановка пока спокойная.

На самой высокой точке невысокого берега он нашел удобное место для засидки, с которого бетонное кольцо хорошо просматривалось. Через полтора дня он ляжет здесь. А потом они с Нефедовым через прибрежный лес добегут до места, где их будет ждать переправа.

А сейчас они не торопясь свернули удочки и вернулись к своей лодке.

19

- Ты, Николай, прав, охрана, конечно, будет, - задумался Шрамко, - надо предусмотреть боевую ситуацию. Вдруг будет не один охранник? Может их целый взвод будет.

- Ничего мы тут не накручиваем?- неактивно возражал ему Гайдамаков.- В принципе там ситуация не сложная. Снайпер стреляет и быстро уходит по траншее. Зачем много людей?

- Да ты пойми, друг ты мой, Гайдамаков, - это не просто снайперское баловство. Мол сделал дырку в голове человечку, да и

ладно. О нем никто и не вспомнит. Сколько людей так убито. Тут, Николаша, вопрос политический. Ничего себе, совещание на уровне глав государств. Участвует представитель России, посланец Президента великого государства. Он не появляется, так как убит снайперской пулей. То есть молдавским или румынским снайпером. Совещание срывается, Россия начинает новые боевые действия, мирное соглашение накрывается мягким местом. Это же и есть главная задача Румынии.

Шрамко вытаращил и без того широкие украинские глаза и леденящим шепотом прошептал:

- Да, это и есть главная задача румынской разведки. И поверь мне, старому контрразведчику: ради выполнения этой задачи они пойдут на что угодно.

Он маленько успокоился и примирительно пробурчал:

- В общем так. Даем тебе в подкрепление десятков спецназовцев. Ребята все толковые. Они тебе мешать не будут. Рассредоточатся метрах в трехстах. Мне так спокойнее будет. Да и не только мне, сам понимаешь... А то не дай Бог, боестолкновение или погоня...

Он вдруг поравнялся, хохотнул и сказал то, чего Николаю понравилось:

- Да и жалко мне тебя, Николай Сергеевич, рубаку старого, сработались ведь. Привык я, понимаешь...

И крепко обнял Гайдамакова на прощание.

Ранним утром, когда еще не поднялось солнце, две лодки – большая и маленькая пересекли в разных местах и в разное время Днестр и причалили к молдавскому берегу. Из маленькой лодки на берег вышли Гайдамаков и Нефедов, из большой – десять экипированных для боя десантников.

Николай и Виталий в темноте пошли к своей позиции, а десантники, не доходя до нее, рассредоточились в кустах и в прибрежном лесу. Они лежали на земле, накрывшись спецнакидками «Леший». Мимо каждого можно было пройти в полуметре и ничего не заметить.

Маскировочные халаты Гайдамакова, как и Нефедова были оформлены мастерами из разведки одного из пехотных полков. Передняя часть – грудь, живот, локти и колени – были обшиты водонепроницаемой тканью, капюшон, спина и штанины оформлены полностью под цвета и растения местного ландшафта – из искусственной травы, листьев и даже мелких сучьев. На лицах таких же цветов маски. Можно стоять совсем близко и долго вглядываться – все равно ничего не разглядишь. Эти масхалаты победили на дивизионном конкурсе «Лучший разведчик» и их разработчик – какой-то ефрейтор, поехал в отпуск.

Николай руками разгреб для себя неглубокую ложбину под свой рост и лег, винтовку, тоже расписанную в защитные цвета, уложил рядом, вдоль тела, накрыл ее рукой.

А лейтенант Нефедов разместился справа, метрах в десяти, чуть выше Гайдамакова. Его задача – не снайпер, его задача наблюдать за обстановкой. Его снаряжение: сильный бинокль и автомат.

Они лежали долго, много часов. В секторах их наблюдения ничего не происходило.

Прошли только два человека – пожилые мужчины. Они спустились к реке по каким-то своим делам, потом вернулись обратно, ушли в лес. Свистели и летали вокруг птицы, пробежали то тут, то там ежи. С утра, на рассвете среди мелких кустиков видна была спинка петляющего перед дневной лежкой зайца. Потом его не стало видно: заяц утомился, улегся на целый день под какой-нибудь корягой.

А потом прибежала лиса. Ее темно-красная летняя шкурка долго мелькала по откосу берега. Лиса мышковала. Занятая своим делом, она подбежала к Николаю совсем близко и вдруг остановилась. Она подняла головку, насторожила ушки и глядела Николаю прямо в глаза. По крайней мере, так ему показалось. Она ничего не видела, она почувствовала запах человека. «Как это так, - наверно думала лиса, - человека нет, а запах от него есть». В двух шагах Николай разглядел всю ее мордочку, все волосики и приклеенный на носу маленький листик. Потом лиса резко прыгнула в сторону и убежала.

Гайдамаков знал, что Лебедь выезжает на совещание в двенадцать часов дня. Значит, пятнадцать, максимум двадцать минут первого он будет на мосту.

Это так, но вот уже одиннадцать, и нет никаких признаков, свидетельствующих о подготовке снайпера к работе. Отсюда ему прекрасно виден лаз в бетонное кольцо, хорошо просматриваются несколько метров траншеи, но никаких движений нет.

Он прекрасно понимал, что чужой снайпер, женщина или мужчина – неважно, прекрасно осведомлен о графике и маршруте передвижения генерала Лебеда. Исходя из этого, ему не следует появляться на боевой позиции слишком рано. Сюда случайно могут забрести совсем посторонние люди – грибки, мальчишки, да мало ли кто. И такая глупость может сорвать сложнейшую операцию.

Поэтому, скорее всего, стрелок появится незадолго перед своей атакой. И сразу после выстрела быстро уйдет.

Но что такое незадолго? У каждого свое толкование этого бестолкового слова.

Вот уже половина двенадцатого. Тишина. Гайдамаков начал серьезно волноваться. Что у него, этого террориста нервы железные?

А вдруг теракт - в другом месте и все его расчеты, доклады - коту под хвост.

В двенадцать Нефедов прошуршал в наушниках: « Похоже облом».

- Сиди уж, и без тебя тошно, - буркнул Николай в ответ.

И все же, в двенадцать пятнадцать, когда вот – вот должен был появиться эскорт, Гайдамаков опять навел свой прицел на дыру в бетонном кольце. Тишина.

В двенадцать – семнадцать по мосту на большой скорости промчались две машины: черная «Волга» впереди и зеленая «Буханка» УАЗ сзади.

- Действительно облом, - подумал Николай, и в ту же секунду в его прицеле черный овал бетонной дыры поменялся на другие, блекло-зеленые тона.

Перед тем, как нажать спусковой крючок, Гайдамаков на сотые доли секунды разглядел поднывавшееся ему навстречу и глядевшее на него женское лицо. Интуитивно, почти бессознательно, ничего не поняв, он выстрелил не в это лицо, а опустил прицел чуть ниже, туда, где начинается шея. В прицеле было видно, как снайпер в траншее упал лицом вниз.

Какое-то время Николай лежал и не двигался. Он ничего не мог понять.

- Какие наши дела, командир? – спросил его по рации Нефедов.

Николай лежал ничком и не шевелился.

Нефедов заволновался и подполз к нему вплотную. Надо было уходить к лодкам.

- Какие наши дела? – спросил он уже голосом и, видя, что Гайдамаков не шевелится, легонько толкнул его в плечо.

Николай поднял с земли лицо, стянул с него маску и лейтенант увидел его глаза. Глаза, наполненные ужасом.

- Это она, - прохрипел или простонал Николай.

- Кто она, - оторопел Нефедов.

- Моя жена.

Оставив винтовку, Гайдамаков вскочил, и быстро, во весь рост, побежал к бетонному кольцу.

Нефедов пришел к нему не сразу. Он ничего не мог понять. Куда это сорвался майор, почему он бросил свою винтовку? Зачем и куда он бежит безоружный, отовсюду могут стрелять?

Какая жена, откуда она здесь взялась, в Молдове? Тем более, что Гайдамаков совсем и не женат. Сам же рассказывал.

Держа автомат наизготовку, высматривая каждый куст, Нефедов приблизился к Гайдамакову.

Тот сидел в траншее, скрючившись, низко склонившись. Тело убитой снайперши уже было вытащено им из амбразуры. Голова ее, лицом вверх, лежала на коленях Николая. Он гладил ее щеки и что-то шептал. Плечи тряслись. Невольно Нефедов заметил, что на лице убитой сквозила улыбка. Это было счастливое лицо. Как будто перед своей смертью она увидела впереди что-то радостное, родное...

Все это было куда - как странно и опасно.

Лейтенант шарил глазами по окрестным кустам. Он ждал нападения. Говорили, что охрана должна быть. Очень возможна засада, внезапная стрельба...Его пугало поведение Гайдамакова. Похоже было, что майор сошел с ума. Наверно, у снайперов, постоянно убивающих людей, это бывает.

- Товарищ майор, Николай Сергеевич, нам возвращаться надо. Здесь опасно.

Гайдамаков, стоя на корточках в траншее, качался взад и вперед, он что-то мычал. Наконец, он поднял на Нефедова глаза. В них стояли слезы и нечеловеческая тоска.

- Это моя жена, понимаешь, - повторил Николай и снова опустил свое лицо к лицу убитой женщины.

- Как ты здесь оказалась? Откуда ты здесь? – хрипло бормотал он. Конечно, он сошел с ума.

Надо было что-то предпринимать. Бросить своего майора лейтенант не мог. Он спустился в траншею, повесил автомат на шею и, взяв Гайдамакова двумя руками за подмышки, стал резко тянуть вверх, из траншеи. Тот вяло, обессиленно упирался, никак не хотел оторвать свои ладони от лица лежащей на земле убитой женщины.

Вытащенный из траншеи Гайдамаков не мог сам идти, или не хотел. Нефедов, крепкий парень, с большим трудом взвалил Николая себе на спину и понес к своим. На другом плече он нес автомат и снайперскую винтовку. Извещенные по радиации спецназовцы встретили его на половине пути, вместе донесли Гайдамакова до лодки.

- Что с ним? – спросили они Нефедова. – Он ранен?

- Нет, не ранен, - хмуро ответил Виталий.

- Тогда что же случилось?

- Не знаю, - сказал лейтенант. Он, в самом деле, не знал, чего отвечать.

- Слушай, Нефедов, - сообщил командир спецназовцев, - а задачу-то вы выполнили. Нам по радиации это сообщили: У манекена, который ехал вместо Лебеда, дырка в голове. Ваша убитая его продырявила. Классно стреляет- стерва.

- Стреляла, - вяло поправил Нефедов.

Они уложили Гайдамакова на заднее сиденье лодки, и тот ехал молча, наклонив тело вперед, поджав руки на животе. Он был невменяем.

А у десантников было хорошее настроение. Боевую задачу они выполнили, хотя охраны и не оказалось. Все, наверное, теперь получают поощрения.

Охраны у Линды Шварцберг действительно не было. Она как всегда работала одна. Ей нужно было заработать больше денег для своей семьи.

20

По результатам проведенной операции генерал-майор Александр Иванович Лебедь проводил совещание. Участниками его были те же генералы и офицеры, которые присутствовали при постановке задач.

- Поздравляю всех нас, - сказал генерал собравшимся. Силами и средствами армии уничтожен снайпер, который длительное время терроризировал население Тирасполя и расположенные в этом районе воинские части.

Бас Лебеда гудел и заполнял все пространство большого кабинета. Признаться честно, каждый из военнослужащих 14 Армии боялся услышать этот громоподобный голос, обращенный в его адрес.

Генерал редко кого хвалил, больше ругал, используя самую разнообразную лексику. В этом он был непревзойденный мастер. Но сегодня был другой случай. Сегодня Александр Иванович хвалил. Поэтому никто сильно не нервничал.

- Он и меня чуть не прихлопнул. Да и прихлопнул бы, если бы наша разведка не сработала. Вы же видите, как он манекен этот искромсал. Вот переполох-то был бы. А траур-то какой.

Его иронии никто не поддержал. Все остались с серьезными лицами.

Лебедь помолчал, постучал по столу спичечным коробком, покачал головой:

- Да, опасный был враг. А стрелок какой! Точно в цель, на такой скорости, на большой дистанции.

Несмотря на реальную суровость, генерал всегда чутко, без каких либо амбиций относился к рядовому и сержантскому составу. Вот и сейчас:

- А как был защищен водитель «Волги»? Пуля могла и его задеть.

Выступил начальник штаба дивизии подполковник Самохвалов:

- Эту опасность мы предусмотрели, товарищ генерал. Хозяйственный отдел нашел две плиты непробиваемого стекла. Поставили перегородку, она сработала.

- Молодцы, что тут скажешь. Так бы всегда работали.

Он опять помолчал и сказал для всех важное.

- Я говорил по этому поводу с Москвой. Москва согласна наградить, отличившихся в операции. Будем готовить представления и приказ о награждении на моем уровне. Молодцы, в самом деле, молодцы. Теперь можно будет не прятать глаза от населения.

Он вдруг встрепенулся, обвел всех взглядом и недоуменно спросил:

- А где главный виновник нашего сегодняшнего торжества, который всю основную работу-то и выполнил? Где этот толковый майор, тот самый снайпер?

Кто знал ситуацию, потупили голову.

- Не вижу я его. Почему отсутствует? Кто доложит?

- Разрешите мне. – Из-за стола поднялся командир дивизии генерал-майор Яковлев. – Майор Гайдамаков не может присутствовать. Он в госпитале.

- Он ранен? Что с ним? Я уже согласовал вопрос о награждении его Красной Звездой.

Комдиву не хотелось поднимать тяжелый вопрос. Он тоже знал и уважал Гайдамакова, как мастера своего дела. Но надо.

- Он не в себе, товарищ генерал-майор. Не хочет ни с кем разговаривать.

Яковлев замолчал, а Лебедь стал нервничать. Его бас перешел на более звучную ноту:

- Расскажите, в конце концов, что случилось?

Яковлев досадно сморщился, порывисто махнул рукой.

- Я уверен, что это не преступление Гайдамакова, это его трагическая ошибка, но снайпер, то есть снайперша, которую он подстрелил, оказалась его сожительницей.

Такого поворота Лебедь совсем не ждал. Он оторопело стал озирать всех собравшихся. Тяжелая его нижняя челюсть слегка отвисла.

В кабинете повисла и запела тоненькой ноткой чуткая тишина. В нее ворвался гром генеральского голоса:

- Вот так всегда у нас. Никогда не умеем сделать так, чтобы все было хорошо. А я хотел праздник устроить.

Ему было обидно за Гайдамакова. Лебедю понравился этот работяга. На таких держится армия. Они бы сработались ...

- Как это так получилось?

- Майор жил с торговкой с городского базара. Мы об этом знали. Родом она из Прибалтики. По имеющейся информации у них все было серьезно, пожениться хотели. Видно, он любил ее, жалеет очень. Горюет, что сам ее и убил, ни с кем не общается, кроме вот Шрамко.

Лебедь запередвигал предметы на столе, пробурчал:

- Жалеет он... А она не жалела, когда столько народу угрохала?

Потом он покачал головой и почти растерянно сказал:

- А мы его наградить хотели. Приподнять парня... Он ведь грамотный офицер, сразу видно. Какая теперь награда ...

Ситуация получалась не простая. Генерал попросил у участников совещания высказать свои мнения.

Все молчали.

Лебедь обратился к Шрамко:

- Который по счету этот снайпер, ликвидированный Гайдамаковым.

- Это девятый, товарищ генерал.

- Не повезло ему с девятым, не повезло. – Лебедь замолчал и угрюмо уставился в одну точку. – В самом деле, что с людьми делает война, в какие ситуации человека втягивает. Вот и у Гайдамакова получилось глупо, что называется, нашли друг друга...

Он обратился ко всем:

- Так что нам делать теперь с майором Гайдамаковым?

Выступил заместитель Лебеда Воронин, отвечающий за кадры. Он был человеком осторожным:

- Гайдамаков не наш. Он прикомандирован из Москвы. Задачу свою он выполнил. Полагаю, правильным будет отправить его обратно. Пусть там решают.

Лебедь не любил и опасался этого своего заместителя. Он трусоват, не любит ответственности, сдает с потрохами каждого при первой возможности.

- Согласен, - сказал Лебедь. – Оформляйте документы.

И подумал: жаль, что с этим майором все получилось так глупо.

В Московской области недалеко от города Железнодорожный стоит старое село Камышино. Когда-то в стародавние времена принадлежало это село помещику Городилову. Добрый это был хозяин. Поместье свое он обустроивал, облагораживал. Усадьба его была на загладе и на зависть всем окрестным дворянам: прекрасный двухэтажный дом на холме в виде огромной подковы с колонадами, фонтан, фруктовый сад, из окон вид на огромный, рукотворный, зарыбленный пруд. И село свое Городилов держал в чистоте и порядке, помогал крестьянам, чем мог. Те его любили и поэтому не разграбили усадьбу и не сожгли во времена безвременья и беснования.

Еще помнят Городилова селяне за то, что на свои деньги выстроил он для жителей храм в честь Первоверховных Апостолов Петра и Павла, красивейший, из резного да цветного кирпича.

И усадьба и храм крепко пострадали в годину большевистских гонений на церковь и на дворян. В усадьбе, латанной – перелатанной поселялись то школа, то клуб, то склады и всякие конторы, а в церкви был гараж колхозной техники. Кресты и башни, видно портившие вид гаража, снесли и разломали.

Село без церкви и умелого руководства превратилось в деревню, народ подурнел, измельчал. Мужики, считай что все, спились, молодежь уехала в города.

В конце девяностых годов приехал сюда священник – монах Антоний. Приехал из какого-то дальнего монастыря. Сказал на деревенском сходе, что его благословили обустроить разрушенный храм и создать приход.

Селяне обрадовались появлению батюшки, но честно его предупредили, что денег у них нет, и они, хоть и рады, но не в силах поддержать церковь. А Антонию, как оказалось, это и не требовалось. Он начал с того, что собственными руками очистил от битого кирпича и грязи одно из помещений старой усадьбы, отремонтировал его, утеплил, застеклил и стал там жить. Людям это понравилось: не белоручка – поп приехал, не попрошайка, а за все взялся сам, ничего ни у кого не канюча. К нему потихоньку потянулся народ, стали ему помогать.

Батюшка организовал сбор денег для восстановления храма. Общительный, доброжелательный он подружился с городской и районной администрациями, при их поддержке вышел на богатых людей, некоторые из них постепенно стали его спонсорами. Нашел Антоний финансовую поддержку и у всяких – разных не бедных организаций. И зиму и лето кипела работа по восстановлению храма из разрухи.

Теперь на храм Петра и Павла в деревне Камышино любо - дорого посмотреть. Кирпичная кладка почищена и обновлена, выстроены и украшены золотом новые башни. На колокольне бьют колокола, а над всем этим великолепием поблескивают, светятся на солнце православные кресты.

Внутреннее убранство пока не вполне закончено. Восстановление иконостаса, старых икон, старинных фресок – дело хлопотное и дорогостоящее.

Батюшка не все еще успел сделать, но все движется, не стоит на месте.

Приход растет, пополняется местными недавними атеистами, приезжают жители окрестных деревень.

Службы идут каждодневно, по воскресным дням и в праздники батюшка Антоний с дьяконом Сергием и с двумя, одетыми в рясы, помощниками из местных мужичков служат литургию, исповедуют и причащают православный народ.

В храме идет жизнь.

Батюшка Антоний ведет уроки православия в местной школе и много хлопочет над обустройством воскресной школы при храме. Скоро и она откроется.

Директор школы случайно узнал, что батюшка когда-то был мастером спорта по стрельбе. Он упросил его вести в школе секцию стрельбы из духового оружия.

- Надо ведь готовить ребятишек к службе в армии. Вы, наверное, и сами в ней служили и знаете, как это важно хорошо стрелять, - упрашивал директор.

- Да, служил когда-то. Давно уже это было...

С тех пор Антоний помогает школе – ведет секцию стрельбы.

Еще отец Антоний любит рыбалку. В редкие часы, минуты отдыха он берет пару удочек и идет на речку, в которой живут ерши и окуни.

Иногда, он, задумчивый, сидит на берегу со своими удочками, пространно смотрит на воду и тихо - тихо, про себя поет протяжную песню древних ливонских воинов, возвращающихся домой с войны.

